

Хроники Фауста

Константин Мзареулов

Изгнанники Нирваны

2000

Мзареулов К. Д.

Изгнанники Нирваны / К. Д. Мзареулов — 2000 — (Хроники Фауста)

Верховные силы создали три основы Мироздания – Амбер, Хаос, Нирвану. На троне Нирваны – Вампир Дракула и Верховная Ведьма Геката. В беспрестанном движении по Теням и Отражениям их сыновья – Мефисто, Фауст и Вервольф – гордые рыцари Силы, Ума и Удачи. В мире нирванцев возможно все – здесь всегда дверь нараспашку для неожиданностей и парадоксов. Свирепо бьются с гоплитами свиномордые гверфы, применяя в бою арбалеты, аркебузы, «калаши», мультилепестковый бурлат. Доносятся выстрелы из Вьетнама и Косова, Багдада и Урус-Мартана слышен лязг волшебных клинков в битве при Калке и на Куликовом поле. Падают, рассеченные надвое, мохнатые, хвостатые, пернатые. Все воюют против всех, все влюблены во всех. Никто не умирает навсегда, потому что смерти, страданию и сомнению нет места в бурлящем, пестром, причудливом и переменчивом мире, органично вписанном в небоскреб по имени Фэнтези, мире, который оставит нам в наследство великий Роджер Желязны.

Содержание

I	5
II	18
III	27
IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Содержание

Константин Мзареулов

Изгнанники Нирваны

(Хроники Фауста – 1)

I

Армия выступила из Артаивяна незадолго до полудня, однако в этом Отражении только-только начало светать. Царская дружина, состоявшая из профессиональных воинов, и прежде участвовала в таких походах, так что рыцари успели привыкнуть к путешествиям через Козырь. А вот пехотные ополченцы, впервые столкнувшись с колдовством, были всерьез напуганы. И еще неизвестно, что пугало их сильнее – сама дорога сквозь Тени или твари, с которыми предстояло схлестнуться в битве. Или монстры-союзники, которых привел Вервольф. Лишь капралы-ветераны да страх перед братьями-герцогами поддерживали в этом воинстве слабое подобие дисциплины.

К рассвету готовые к битве полки растянулись вдоль пологого склона. С немалым трудом удалось выстроить оба отряда нерегулярной пехоты на флангах, выставив в центре латников-меченосцев, умелых и беспощадных в рукопашной схватке. Конные рыцари пока укрывались в дубраве, что зеленела на возвышенности за спиной пехотных полков. Прямо перед ними, милях в трех, возвышались стены Нирваны, слева лениво плескались морские волны, а на лугах между холмом и городом развернулось идеально ровными рядами фаланг войско гверфов.

– Сброд, – без злости резюмировал Вервольф. – Два года муштры – и столь жалкий итог. Кажется, я перестаю себя уважать.

– Не прибедайся, видали мы армии похуже этой. – Фауст был, как всегда, ироничен и спокоен. – Когда начнем махать клинками, наши мужики быстро войдут во вкус.

– Твой оптимизм неисправим, – Младший герцог пожал плечами, затем обернулся к командирам полков: – Сейчас я покину вас, и с этого момента вы должны выполнять приказы моего брата. Еще раз объясните солдатам, что перед ними та самая Нирвана, о которой сложено столько легенд и сказаний. Ваш долг – освободить от двуногих зверей древнюю столицу нашего народа, и тогда наступит конец несчастьям и лишениям. В конце концов, там живут ваши братья и сестры, которых в незапамятные времена поработила эта свиной мразь!

Полковники слушали повелителя, почтительно склонив головы. Хотя никто из ныне живущих верноподданных не видел Фауста в бою, его уважали. Сын Вампира и Брат Дьявола – такие прозвища даются недаром.

Закончив инструктаж, Вервольф извлек карточную колоду и перетасовал, вытащив Козырь. На карте был изображен пароходик с неуклюжими гребными колесами по бортам и дополнительным парусным снаряжением. Последовала короткая процедура – и повелитель Артания переместился на мостик «Господаря».

Командиры полков заворуженно следили, как угасает волшебная карта. Затем воевода Смилодон уважительно осведомился:

- Ваше высочество даст свой плащ?
- Зачем? – не понял вопроса Фауст.

– Принято поднимать мантию вождя на копье и нести впереди войска, как знамя.

Сын Вампира и Брат Дьявола проговорил, не скрывая усмешки:

– Впереди войска пойдет сам герцог. По-моему, это лучше, чем нацепленная на палку тряпка.

Щелкнув пальцами, он подозвал остальных и отдал последние распоряжения. От пехоты требовалось приблизиться к врагу на сотню шагов и, не бросаясь на выставленные ряды копий, издали поражать гверфов стрелами и камнями из луков и пращей. Затем, когда кавалерия и выделенное для обходного маневра пехотное подразделение атакуют противника с тыла и четкий строй фаланги нарушится – только тогда двинутся вперед тяжеловооруженные солдаты Смилодона. Ополченцы же остаются в резерве и подключатся к мясорубке по приказу Фауста, чтобы довершить разгром врага.

Отправив командиров к их полкам, герцог сказал Смилодону:

– Запомни: главная надежда – на твоих головорезов. Вервольф уверял, что на гоплитов можно положиться. Я не слишком доверяю деревенским рекрутам.

– Они кое-чему научились, – степенно проговорил польщенный воевода. – Но каждый мой ветеран шутя положит десяток мужиков.

Фауст кивком отпустил его, но Смилодон неуверенно переминался, словно чего-то забыл или хотел о чем-то спросить. Похожая на кошачью голова была закрыта шлемом и короткой рыжей бородой, открытыми оставались лишь зеленоватые глаза, в которых светилась мольба.

– Что еще?

– Ваше высочество, герцог Вервольф обещал, что после Нирваны мы освободим мою страну...

– Если обещал, то не сомневайся – освободим. – Фауст ободряюще хлопнул ветерана по стальному наплечнику доспеха. – Мы освободим много разных стран, так что устанешь воевать... Кстати, откуда ты родом?

– Мои предки пришли из Эльсинора, великий герцог...

Название этого Отражения пробуждало слишком много чувств... Не глядя на полковника, Фауст произнес с угрожающей интонацией:

– Насчет этого не беспокойся. Эльсинор будет нашим в любом случае.

Не без труда убрав с лица мрачный оскал, он спустился к отряду, формированием которого занимался всю последнюю неделю. Он перетряс всю артаньянскую пехоту, пока не отобрал две сотни мужиков, в меру освоивших искусство работать мечом и топором, а также десятка четыре охотников, отлично владеющих арбалетами. Во главе этих гвардейцев герцог поставил капитана Крольда. Ветеран, покрытый множеством давних шрамов, в тренировочном поединке продержался почти минуту, прежде чем Брат Дьявола выбил меч из его рук.

Не говоря ни слова, Фауст жестом приказал бойцам отойти чуть в сторону – на пригорок, откуда открывался вид на боевой порядок противника. Оглядев панораму, герцог щелкнул «Поляроидом» кусок пейзажа чуть позади левофлангового каре гверфов. Провел перстнем-амулетом по выползшему из аппарата цветному квадратику, превращая фотографию в Козырь. Карта раскрылась – далекий клочок поля предстоящей битвы словно приблизился – изображение теперь стояло вплотную к передней шеренге. Ткнув пальцем в эту картинку, Фауст объяснил:

– Сейчас я открою проход, и вы должны быстро перебежать через эту картинку, после чего окажетесь за спиной врага. Сразу стройтесь, как я вас учил, и бросайтесь в атаку с тыла. Понятно?

– Мы уьем их всех! – рявкнул капитан, а затем спросил с робкой надеждой в голосе:

– Вы пойдете с нами?

О, небеса! Похоже, они его любили! Его, который никого не любит и не нуждается ни в чьих добрых чувствах...

Эти наивные существа почему-то очень тепло относились к нему, принимая за доброго волшебника из детской сказки, хотя за свою долгую жизнь Фауст совершил убийств немногим меньше, чем его старший брат весельчак Меф, которого здесь боялись пуще смерти. А младшего брата вообще считали суровым, но мудрым и справедливым правителем. Это Вервольфа, никогда не медлившего, если требовалось проткнуть мечом ближнего, а тем более дальнего.

Что поделать – логика и способность разумно мыслить не были свойственны смертным... Фауст ответил капитану обычным своим равнодушным голосом, в котором звучала немыслимая усталость веков, бездарно растраченных на битву за выживание:

– Нет, я атакую их с фронта. Без меня ваши собратья могут не справиться. Запомни: ты должен опрокинуть каре на левом фланге. И постарайся сохранить побольше своих солдат.

Разумеется, его не слишком беспокоила возможная гибель нескольких десятков деревенских парней. Но через час, когда Фауст, расшвыряв сталью и магией центральный полк гверфов, соединится с отрядом этого немолодого капитана, ему понадобится много живых арбалетчиков, чтобы ворваться в замок. А значит, рота стрелков и меченосцев, брошенная в бой через Козырь, не должна понести больших потерь...

Воодушевленные его напутствием солдаты перебежали через козырные ворота, и Фауст услышал, как Крольд свирепым голосом наводит порядок, выстраивая отряд на новой позиции. Убедившись, что дела на этом участке идут как задумано, герцог махнул рукой, посылая в атаку остальную пехоту, а сам поспешил вверх по склону, где за деревьями! укрылся конный полк. Собственно говоря, грешно было называть полком жалкую сотню всадников – хороший эскадрон, а не полк. Зато каждый рыцарь безукоризненно владел оружием и прекрасно чувствовал поле боя, да и скакуны у них были не простые.

Он устроился поудобнее в седле и двинул кавалерию в атаку. Обогнав мерно шагавшую пехоту, лава приближалась к фаланге, грозно ошетиленной наставленными в пять ярусов остриями. Когда лишь четверть мили отделяли кавалеристов от гверфов и враги уже приподняли древки копий, чтобы достойно встретить атакующих самоубийц, Фауст достал из ножен свой меч.

Полированное серебро лезвия ослепительно сверкнуло в лучах восходящего светила. Повинуясь этой безмолвной команде, рыцари натянули уздечки, и кони, расправив крылья, взмыли в воздух. Когда-то, в эпоху Первой Войны, орды Хаоса истребили племя гарпий, но летающие лошадки чудом уцелели в захудалом Отражении по соседству, где их не так давно отыскал Мефисто.

Перемахнув сверху фалангу, полк шумно приземлился в тылу противника. Кони тяжело дышали, утомленные коротким полетом, но большая часть дела была уже сделана.

Пока конь оправлял громоздкие перепончатые крылья, герцог окинул быстрым, взглядом поле боя. Пехотные полки нирванцев уже подступили к противнику, забрасывая гверфов камнями и стрелами. Левее рыцарской кавалерии рубил тыловую шеренгу отряд капитана Крольда. Конница врага, укрывавшаяся в засаде за угловой башней городской стены, торопливо перестраивалась клином, готовясь нанести контрудар. От места главных событий кавалеристов отделяло около двух миль, так что они все равно опоздают. Пора было приступить к разгрому, тем более что к берегу уже приблизились оба парохода – «Господарь» и «Царица», и солдаты Вервольфа спешно высаживались на сушу, грохоча сапогами по дощатым сходням.

Фауст слегка пощекотал коня шпорами и, раскрутив над головой меч, ринулся на вражеский строй, увлекая за собой остальных рыцарей. Задние ряды фаланги начали соображать, что противник оказался у них в тылу, и запоздало принялись разворачиваться. При этом они ужасно суетились, толкая друг друга и неуклюже передвигая длинные тяжелые копыя. Четкие линии фаланги на глазах ломались, теряя недавнюю неуязвимость. Едва нарушился многоярусный барьер заостренных наконечников, Смилодон приказал своим гоплитам прекращать

пращный обстрел и бросил полк в атаку. А рыцари Фауста обрушились сзади на копейщиков врага, не успевших изготавиться к обороне.

Серебряный клинок с хрустом погрузился в зазор между шлемом и кольчугой, легко перерубив толстую, покрытую жесткой щетиной шею двуногого монстра Гверф только и успел истошно взвизгнуть, а его разъединенные голова и туловище уже падали под копыта герцогского скакуна. Фауст опять замахнулся, рассекая очередного копейщика от шишака до паха, затем выдернул меч и снова принялся рубить обступившие его со всех сторон кабаньи рыла гверфов. Вокруг герцога деловито работали мечами и секирами конные рыцари, а навстречу им рвались пехотинцы Смилодона

Стиснутые двумя стенами клинков гверфы дрогнули и обратились в бегство, бросая оружие и моля о пощаде, но ответом были лишь взмахи неумолимых клинков нирванских полков, зажавших в тиски неприятельское воинство, стремительно превращавшееся в, перепуганное стадо. Возможно, самые быстроногие успели бы уйти под защиту крепостных стен, однако на их пути внезапно оказалась дружина Вервольфа, отрезавшая врагу последний путь к отступлению.

Убедившись, что здесь исход сечи уже решен, Фауст вырвался из гущи боя, оставшись один перед тысячеголовой массой кавалерии гверфов. Оседлавшие хищных ящеров полуразумные звери мчались прямо на него, свирепо вопя и размахивая оружием. Зловеще усмехаясь, герцог перехватил меч за лезвие и, держа рукоятью вверх, пропустил поток магической энергии сквозь Амулет, украшавший набалдашник эфеса. Подобающее такому случаю заклинание Огненной Реки было заготовлено еще накануне.

Стена пламени внезапно полыхнула перед самыми мордами скакавших во весь опор тварей. Нарастив раскаленную субстанцию до нужной высоты, Фауст двинул Огненную Реку вперед, опрокинув врага и поджарив упавших. Все было кончено за минуту, не больше.

– Эффектно, – одобрительно проговорил Вервольф, остановив скакуна рядом с конем брата. – Не ожидал, что так гладко выйдет.

– Я и сам не ожидал, – скучным голосом признался Фауст.

Следующий вопрос Вервольфа вроде бы не был никак связан с предшествующими репликами:

– Готов продолжать?

– Уже продолжаю... Займись пехотой. Ряды совсем смешались.

Братья не нуждались в долгих разговорах, поскольку подробная диспозиция сегодняшнего боя была давно отшлифована, и оба знали, что каждый из них должен делать на следующем этапе штурма. Подтянув из резерва гусарский и драгунский эскадроны, которые бросились рубить бегущие в панике остатки воинства гверфов, Вервольф принялся приводить в порядок пешие полки. Вскоре ополченцы и гоплиты расположились напротив Восточных ворот Нирваны на удалении двойного полета стрелы.

Каждый из рыцарей посадил на круп коня позади себя по одному солдату Крольда, и отряд во весь опор поскакал в сторону крепости. В трехстах шагах от заполненного грязной жижей рва они снова взлетели и перемахнули через внешнюю стену, забрасывая сверху камнями и стрелами звероподобных защитников города.

С высоты Фауст видел, как суетливо снуют по улицам неприятельские отряды, спешившие на подмогу скопившимся на стенах лучникам. В крепости оставались не лучшие солдаты врага – профессиональных воинов нирванская армия уже истребила в чистом поле. Выпущенные снизу стрелы угрожающе посвистывали вокруг, но поразили всего трех летающих коней, которые грузно рухнули на крыши домов и камни мостовых.

Не обращая внимания на эти потери, герцог посадил свою крылатую кавалерию на Пассажную площадь, где врагов было поменьше. Изнемогавшие после долгого парения в воздухе

кони жалобно ржали, однако сейчас была дорога каждая секунда, и рыцари, беспощадно пустив в ход шпоры и нагайки, направились к воротам, отделявшим город от стоявшей перед укрепленными стенами армии Вервудфа.

А тем временем в торговых рядах, окаймлявших площадь, разгоралась оживленная резня. Мирные горожане темпераментно вымещали накопившуюся за столетия оккупации злобу. Вооружившись длинными кухонными и кривыми сапожными ножами, кузнечными молотами, дубинами, топорами, а также прочей домашней утварью, осатаневшие лавочники и ремесленники били, кололи и поливали кипятком ненавистные свиные рыла, соединенные короткими толстыми шеями с жабыми тушами. Кавалеристам оставалось лишь добивать метавшихся в панике врагов.

Задерживаться на площади не имело смысла. Добрые горожане, выкрикивая славословия королевской семье и проклятия гверфам, стекались со всех сторон и деловито штурмовали добротные – в два-три, а то и четыре этажа – каменные дома, в которых до сегодняшнего дня жили свиномордые прислужники Хаоса. «Здесь наведут порядок без нашей помощи!» – крикнул герцог и повел рыцарскую конницу по булыжникам мостовой в сторону возвышавшейся над крышами Сторожевой башни. Именно под ней располагались Восточные ворота – главная цель их атаки.

Покинув Пассажную, полк углубился в трущобы, и даже сквозь грохочущий топот подков стало слышно, как негодуют рыцари. Бывалые воины повидали и сами сотворили немало злодеяний, но и эти жестокосерднее ветераны были потрясены, увидев саманные и хворостяные хибары. В таких вот убогих лачугах гверфы поселили людей, которых использовали на самых тяжелых черных работах. Неудивительно, что обитатели этого гетто отвечали недавним хозяевам самой лютой ненавистью.

Здесь тоже бушевала резня. И без того утомленным лошадам то и дело приходилось перепрыгивать через целые груды мертвых тел. Большинство убитых гверфов были расчленены или обгорели. Похоже, мстительность людей не удовлетворялась простым убийством, и горожане долго отводили душу, глумясь над трупами заклятых врагов.

За очередным поворотом узкой улочки взорам открылась такая картина. Отряд простолюдинов числом с дюжину наседали на двух свиномордых, пытаясь достать их дрекольем и самодельными пиками. На беду этих горожан, гверфы попались опытные и не робкого десятка: став спиной к спине, они умело отмахивались алебардами. Вокруг уже стонали, истекая кровью, несколько раненых нирванцев.

Скакавший по правую руку от герцога рыцарь, чей щит украшало изображение зеленого коршуна, на ходу проткнул копьём одного из гверфов и некоторое время летел, держа впереди себя насаженного на древко врага. Второй свиномордый продолжал махать амбардой, но сидевшие позади кавалеристов арбалетчики быстро нацеливали его стрелами. Тем временем обладатель зеленого коршуна резко дернул копьё, стряхивая с наконечника продолжавшее трепыхаться тело, и отряд, не задерживаясь, проследовал дальше. Возглавлявший кавалькаду Фауст уже сворачивал на следующую улицу, когда их догнал недружный хор:

– Слава герцогу Вервольфу!

Мысленно улыбаясь, Фауст подумал, что мир устроен ужасно несправедливо. Одни стараются, а другим достается слава. Или хотя бы жалкое подобие оной...

Продолжение мясорубки на городских улицах Фауст постарался изгнать из памяти – слишком много крови пролилось в тот полдень на мостовые Нирваны. Ошеломленные натиском гверфы сопротивлялись все слабее, и к обеду город был полностью очищен от вооруженных врагов. Жители торопливо перебирались из своих лачуг в каменные дома, которые построили для себя оккупанты.

Объезжая освобожденную столицу царства, Братья Дьявола видели множество неприятных сцен, которые были неизбежными и закономерными спутниками любой победы такого

рода. Если на какой-нибудь шикарный особняк клали глаз сразу две семьи, между ними немедленно вспыхивала ссора, грозившая перерасти в поножовщину. При виде правителей склочки немного успокаивались, но два герцога не могли разорваться на тысячу частей, чтобы умирять страсти во всех кварталах одновременно.

– Подонки! – прошептал разъяренный Вервольф. – Неужели придется ставить по солдату к каждому дому, чтобы этот сброд не перерезал друг другу глотки?

– Не поможет, – меланхолично откликнулся Фауст. – Солдатам тоже охота пограбить опустевшие жилища. И вообще – каждый боеспособный гоплит нужен на передовой линии. Кажется, мы еще не отказались от замысла штурмовать цитадель.

– Я почти готов отказаться, – буркнул младший брат, – Укрепления выглядят неприступными – дед строил на века... В любом случае, перед штурмом следует укрепить тыл.

Оглядев свиту, Вервольф подозвал двух раненых рыцарей. Старшего из них герцог назначил комендантом города, а второго – помощником коменданта, после чего поручил навести порядок.

– Найдите предводителей цехов и гильдий, – посоветовал рыцарям Фауст. – Пусть сколотят дружины из надежных людей с крепкими кулаками. Надо наладить организованное и мало-мальски справедливое распределение освободившегося имущества.

– И не забудьте, что два-три лучших дома станут резиденциями власти, – добавил Вервольф.

Продолжая свой путь по бирюзовой чаше небосвода, оранжевое светило опускалось к нежно-зеленому зеркалу моря. Немного передохнувшее войско братьев-герцогов обложило коробками пехотных каре Бирнумский холм, увенчанный старой крепостью, что с самого начала времен господствовала над Нирваной. Разглядывая цитадель в лазерный бинокль, выведенный из какого-то индустриального Отражения, Вервольф жмурился и вполголоса бормотал проклятия.

Фауст понимал и полностью разделял чувства брата. Главная фамильная резиденция была укреплена сверх всякой меры. Высоченные стены, открытые и потайные рвы, четко продуманное нагромождение фортов и бастионов, связанных подземными ходами, – все эти ухищрения легендарного пращура делали крепость неприступной. В эпоху Битвы Трех Сил, когда братья были маленькими детьми, армия Хаоса сумела овладеть цитаделью лишь ценой невероятных потерь. Вдобавок враг не слишком заботился о сохранности того, что таилось внутри, и потому использовал самое могущественное оружие.

Фауст еще раз оценил состояние обороны. По численности гарнизон гверфов должен был примерно втрое уступать нирванской армии, но свинорылые варвары занимали прекрасную позицию. Вражеские лучники мелькали в бойницах, время от времени посылая стрелы и вынуждая штурмующих держаться на солидном расстоянии.

– Кровью умоемся! – Вервольф сокрушенно покачал рогатым шлемом. – Четверть войска уложим на подходе, еще столько же – пока будем взбираться на стены. И все равно победу гарантировать нельзя. Какую степень магии ты готов применить?

– Боюсь, что никакую. – Средний брат скрипнул зубами. – Рисуем повредить Пирамиду.

– А если проникнуть через другие Пирамиды?

– Последние годы я только этим и занимался. – Фауст вздохнул. – Пирамида Анаврина заблокирована изнутри.

Наступила тягостная пауза. Неожиданно мрачное лицо Вервольфа немного просветлело, и младший герцог с надеждой произнес:

– Значит, она все еще там. Я правильно тебя понял?

– Совершенно верно, – кивнул Фауст. – Мамочка сидит внутри.

– Хвала Птице! Сколько же лет она держится?

Ставить вопрос таким образом не следовало, ибо время суть субстанция неверная и переменчивая – куда там сердцу вздорной красавицы. После Битвы Трех Сил в самой Нирване минуло не больше столетия, в Артаньяне – почти два века, в Амбере – почти тысяча лет, в Хаосе – в семь раз больше, а в захолустье вроде той же Земли прошло не меньше двух тысячелетий.

– Полагаю, на средних ярусах Пирамиды это время уложилось в десяток лет, – осторожно сказал Фауст. – Будем надеяться, что такой срок не слишком велик для леди Гекаты.

Бряца доспехами, к братьям подъехал граф Ренк, назначенный командовать тяжелой кавалерией. Удачливый полководец и дуэлянт зычно попросил разрешения обратиться, после чего сказал чуть потише:

– Ваши высочества, мы не можем штурмовать крепость. Сил не хватит.

– Сам вижу, что придется переходить к осаде, – процедил Вервольф. – Смилодон, сколько времени понадобится, чтобы сколотить десятитысячное войско из жителей Нирваны?

– Сто дней, ваше высочество, – мгновенно отозвался воевода. – Но и после этого я бы не решился бросаться на такие стены.

Гневно посмотрев на старого воина, Вервольф осведомился:

– У тебя есть какие-то соображения?

Смилодон кивнул и предложил поочередно атаковать передовые укрепления, истребляя по частям живую силу гверфов.

– Неплохая мысль, – согласился Фауст. – По слухам, все укрепления соединены с цитаделью подземными ходами. Если возьмем любой форт, можно будет прорваться в цитадель.

– С какого форта начнем? – оживился Вервольф. Обрадованный легкостью, с которой властители одобрили его замысел, воевода сообщил:

– Мои гоплиты стоят напротив Западного укрепления. Прикажете начинать?

– Не спеши, я пойду с вами, – сказал Фауст. – И пригони сюда дюжину-другую пленных гверфов. Нам понадобятся смертники.

Этот прием Фауст видел в нескольких фильмах о войнах античной эпохи. Сам он в те годы не существовал даже в проекте, поскольку современником Юлия Цезаря и царя Вавилонии Хаммурапи был его дед, да и тот едва отметил совершеннолетие. Тем не менее искусство, в том числе и военное, сохранило память о «черепаше», и тесно сдвинутые щиты гоплитов образовали закрытую спереди, сверху и с боков коробку. Под прикрытием этого составного панциря отряд ускоренным шагом бросился к Западному форту. Гверфы, забеспокоившись, осыпали атакующую колонну стрелами, которые, не причиняя вреда, отскакивали от титановых пластин.

Бежавший в первом ряду Фауст следил за дорогой сквозь щель между двумя щитами. В трехстах ярдах от каменной стены форта атакующие наткнулись на первый ров, заполненный источавшими резкий запах нефтепродуктами. Насыщенная углеводородами дрянь немедленно загорелась, огородив укрепление огненным барьером.

Презрительно фыркнув, герцог призвал мощь, подчиненную перстню. Силовые струны погасили пламя и проложили невидимый мост через глубокую канаву, опоясавшую форт.

– Вперед! – скомандовал колдун. – Не бойтесь, пройдем.

Солдаты нерешительно топтались, но в конце концов почтение к прославленному чародею взяло верх над естественными опасениями. Первая шеренга пехотинцев неуверенно поставила ноги в пустоту над рвом, с удивлением ощутив опору под ступнями. Восторженно вопя, «черепаша» преодолела препятствие и устремилась к каменной машине, украшенной бойницами и набитой свиной рыльцами врагами. Однако через полсотни шагов Фаусту пришлось надорвать голосовые связки, пытаясь сдержать излишне торопливых солдатиков.

– Стоять, говорю! – сипел он, отведывая тумак, – Всем стоять!

Колонна остановилась. Фауст напряженно сканировал полосу каменистого грунта, отделявшую отряд от форта. Впереди явно имелась какая-то магическая каверза, и он даже догадывался, какая именно. По его приказу солдаты вытолкнули из-под составного панциря пяток гверфов, велел пленникам скакать к своим. Те послушно побежали, оставляя на почве отпечатки раздвоенных копыт, однако на полпути склон холма разверзся у них под ногами. Открылся потайной ров – прекрасная ловушка для неосторожных.

Следующий этап штурма был прост, как заклинание для разгона ливневых облаков над Атакамой. Вмонтированная в перстень Чешуйка – в Амбере и Хаосе эти Амулеты почему-то называли спаикардами – перенесла колонну через лишенное невидимости препятствие, на дне которого корчились рухнувшие с трехметровой высоты гверфы. Затем удар силового тарана в щепки разнес окованную медными листами дверь укрепления.

Издавая воинственные вопли, гоплиты бросились внутрь форта, круша оборонявшихся мечами, секирами и шестоперами. В стремительной сече на нижнем ярусе они покروшили почти половину гарнизона, и опьяненная успехом пехота волнами расплескалась по казематам, добывая уцелевших полужверей. Когда артаньянцы, зачистив первый этаж, двинулись вверх по лестницам, гверфы сообразили, что пришло время сложить оружие и молить о пощаде.

– Перебьем этих кабанов, а потом поджарим, – предложил, сверкая клыками, Смилодон. – Давно не жрал столько сладенькой свининки!

– Не усердствуй, – посоветовал Фауст. – Королевству, нужны рабы. И организуй прочесывание помещений – может, где-то затаились особо тупые фанатики

Сам он, прихватив десяток гоплитов, спустился в подземелье, где с помощью магического зрения быстро отыскал дверь подземного хода. Они прошли около трехсот шагов по узкому тоннелю и уткнулись в капитальный завал – успевшие сбежать из форта гверфы обрушили своды. Теперь цитадель была отрезана от Западного укрепления.

Обозленный и разочарованный герцог приказал выставить пост охраны на случай, если гверфы попытаются разобрать завал. Поднимаясь по лестнице, он прикинул, сколько понадобится землекопов и времени, чтобы расчистить подземный ход. Расчеты не слишком обнадеживали.

Продолжая обдумывать ситуацию, Фауст поднялся на плоскую крышу форта, откуда открывался прекрасный обзор на много миль вокруг. Солнце склонилось над освобожденным городом, море на севере было абсолютно пустынным – ни одного паруса на изумрудном зеркале, только рябь от белеющих барашков слабых волн. К востоку громоздились башни цитадели, оседлавшей Бирнумскую вершину. Лучи заходящего светила слепили свинячьи глазки вражеских лучников, но те остервенело посылали тучи стрел в одинокую фигуру на крыше форта.

Обстрел не беспокоил Фауста: Амулет создавал сферу, отражавшую оперенные стрелы с тяжелыми наконечниками. Чуть больше внимания герцог уделил отряду гверфов, который вышел из ворот цитадели и направлялся в их сторону. Предпринятая противником контратака от души развеселила чародея. Добродушно посмеиваясь, он позволил врагу подойти к внешнему рву, на дне которого поблескивали нефтяные разводы. Когда свинорылые попытались форсировать траншею, Фауст послал заклинание, воспламенившее горючую жидкость.

Повторных вылазок, к сожалению, не последовало – вероятно, командир гверфов догадался, что не следует посылать на верную гибель и без того немногочисленные остатки крепостного гарнизона.

Когда сгустился вечер, Фауст вернулся в лагерь, не обращая внимания на град стрел, которым салютовали ему засевшие в цитадели гверфы. Войско приветствовало победителя какофонией возгласов и ударами клинков по броне, визгом походных труб и дробью барабанов. Уведя брата в свой шатер, Вервольф сказал с воодушевлением:

– Недурно получилось. Если даже малый Амулет произвел такой эффект, то завтра мы объединим усилия и ворвемся в крепость,

– Не выйдет – Фауст не без сожаления охладил его энтузиазм. – Наш дедуля перестарался. Вокруг цитадели совершенно непроницаемый барьер потенциальных и кинетических сил. Они отшвырнут и раздавят любого, кто окружит себя сферой силовых линий.

Разочарованный Вервольф зашагал с обиженным видом. Потом буркнул:

– Что же дальше – будем держать их в осаде, пока не догадаются поднять белый флаг?

– Придется. Пока советую послать подкрепления в Западный форт и заодно поставить новые ворота. Завтра-послезавтра отобьем у них остальные укрепления. И станем ждать.

– Чего ждать? Капитуляции?

– В лучшем случае.

– А в худшем?

– В худшем случае Хаос пришлет карательную экспедицию.

Фауст не стал говорить, что неприступность старой крепости тревожит его в наименьшей степени. Куда сильнее он был обеспокоен молчанием двух других Сил. Единорог и Змея должны были почувствовать, что истинные повелители Нирваны рвутся к Золотой Пирамиде. Однако ответного удара пока не последовало, и это обстоятельство представлялось в высшей степени тревожным и подозрительным.

Между тем служители накрыли братьям стол для ужина, и легкая трапеза ненадолго прервала беседу. Без аппетита жуя, Вервольф, не желавший оттягивать миг триумфа, продолжал искать возможность ускорить падение цитадели.

– А что, если мы введем в дело все наши Чешуйки и проломим барьер? – с надеждой в голосе сказал он, машинально поглаживая свой перстень. – Фау, это неплохая идея. Попробуем?

– Скорее всего, импульс отдачи размажет нас по соседним Отражениям, – снисходительно усмехаясь, обрадовал брата Фауст. – А в случае удачи наш удар разнесет в пыль большую часть цитадели. Включая подземелье Золотой Пирамиды.

Вервольф снова впал в уныние, мастерски выругался и порывисто выбежал из шатра. Продолжая посмеиваться, Фауст последовал за ним. Младший брат стоял на пригорке, с ненавистью разглядывая фамильную твердыню – сердце сокрушенного Хаосом королевства.

– Не переживай так бурно, – негромко сказал колдун. – Нирвана, считай, у нас в руках. Падение цитадели – вопрос времени. Если Логрус и Лабиринт до сих пор не покарали нас, значит, у них полно своих проблем, и мы имеем небольшой запас времени.

– Ты опять торопишься, хотя лучше меня знаешь, что освобождение этого края, равно как истребление гверфов, не сильно приближает нас к победе, – мрачно откликнулся Вервольф. – Мы беспомощны, пока недоступен вход в Большую Пирамиду, пока остается в заточении матушка, а папаня лежит в коме.

– Это частности. Я постоянно думаю о том времени, когда Нирвана снова попытается занять свое место в мире Отражений. Если другие две Силы заподозрят, чего мы добиваемся, они легко раздавят нас. Придется провести очень тонкую дипломатическую игру, чтобы не допустить этого.

– Задача для нашего дорогого братишки.

– Да, интриги – любимое развлечение Мефа. – На лице среднего герцога появилась сентиментальная улыбка. – Он всегда достигает целей, которые ставит перед собой.

– Но Мефисто идет к своим целям по трупам.

– Как и все мы. И не только мы.

– Согласен. Однако Меф слишком легко убивает. Иногда я его немного побаиваюсь.

– Ты становишься сентиментальным. Кстати, я тоже Дурной признак.

Вервольф отмахнулся, сказав:

– Ерунда, мы всегда были тонкими чувствительными натурами. Потому и потеряли почти все, что имели.

– Между прочим, где сейчас Меф? Пока его нет, дипломатическую работу придется делать нам... Наступит ли когда-нибудь время, когда мы сможем отдохнуть, не думая о борьбе?

– Поменьше жалей себя, больше думай о делах семьи.

– Для того мы и пришли в этот мир. Ты задумывался над вопросом – почему у нас нет сестер?

– И почему же? – довольно равнодушно осведомился Вервольф.

– По-моему, родители понимали, что предстоят нелегкие столетия, когда понадобятся бойцы.

– Думаешь, они могли контролировать пол будущих детей?

– Думаю, они могли еще многое сверх этого...

– Тебе виднее.

Последние слова Вервольфа прозвучали совсем тихо. Младший брат, которому Судьба отвела участь воина, смотрел на море. Наступила пауза. Потом Фауст встряхнулся и решительно сказал:

– Довольно лирики. Нам придется распределить дела. Ты займешься осадой и штурмом Нирваны, а я отыщу Мефа и поручу ему пудрить мозги королевским дворам. Я нужен тебе или могу ехать?

Не оглядываясь на брата, Вервольф процедил:

– Мне нужны винтовки. Или хотя бы порох. Ты имеешь представление, как его производят? – Он продолжал, не дожидаясь ответа: – Если бы у нас было дальнобойное оружие, мы в два счета решили бы наши проблемы даже без колдовства. Ни одна свинорылая тварь не посмела бы показаться в амбразурах цитадели!.. Помнишь Вьетнам, Фау?

– Скольких джи-ай мы сняли в дельте Меконга! С километра – точно между глаз... Да и в Афгане хорошо поработали снайперскими винтовками. Увы, в наших краях порох просто горит, но не взрывается... Хотя, погоди-ка!

Фауст вдруг вспомнил, как полсотни лет назад, отдыхая после очередного путешествия по дальним Отражениям, он поставил эксперимент в своей лаборатории. Тогда ему удалось взорвать небольшую петарду. Он посчитал те опыты забавными и вскоре забыл как не слишком важный факт. Вервольф выслушал брата с презрительной гримасой и долго стыдил' дескать, некоторые штатские, запершись в башне из хрусталя и слоновой кости, не утруждают себя заботами о ратном деле. Фауст только вздыхал, но оправдываться не решался – понимал, что младший брат прав, а сам он кругом виноват. Наконец Вервольф чуть успокоился и спросил:

– Это был тот же состав, что и у твоего дружка Корвина?

– Нет, рецептура Корвина в Нирване бесполезна. У меня получились довольно удачные опыты с самоцветами, которыми мы пользуемся, чтобы пометать тропинки через Отражения.

– К черту подробности. Немедленно отправляйся не знаю куда и не смей возвращаться без готового зелья! – Вервольф добавил без паузы: – Ты помнишь рецепт?

– Для этого есть лабораторный журнал. Хотя, возможно, понадобятся некоторые дополнительные исследования.

– Постарайся не зарываться, – неожиданно мягко сказал младший брат, – Не хотелось бы потерять кого-нибудь из вас. Особенно сейчас, когда забрезжила надежда.

– Спасибо, братишка. Кстати, и тебе не стоит понапрасну рисковать.

– Мы все рискуем уже много столетий. – Вервольф равнодушно пожал плечами. – Таков наш фатум. Успеха тебе и всем нам.

Козырнувшись в артаньянский замок, Фауст первым делом подергал шнурок звонка, вызывая слугу. Слухи распространялись стремительно, так что челядь уже знала о победоносном исходе сражения.

– Гонец рассказывал, вы опять лезли в самую мясорубку, – осуждающе проворчал старый Алебар. – Хвала Птице, живы-здоровы остались.

– Ничего мне сделаться не может, – отмахнулся Фауст. – Жизнь моя под такой надежной защитой Высших Сил, что, сколько бы враги на нас ни покушались, – успеха им не знать... Я приму ванну, а ты пока собери мне сумку в дорогу.

– Снова война? – забеспокоился старик.

– Всякое может случиться. Но главным образом буду вести светскую жизнь. Так что уложи пару хороших костюмов и все такое.

Когда он, смыв грязь и пот кровавого дня, вернулся в свои апартаменты, походная сумка была уже готова. Фауст спрятал между мягкой кладью несколько магических предметов, натянул поверх легкого панциря свободную дорожную одежду и подвесил к поясу небольшой арсенал.

– Обедать будете? – хмуро осведомился Алебар.

– Мы с братом поужинали – в Нирване-то уже ночь.

– Надолго нас покидаете? – продолжал выпытывать верный служитель.

– Как получится.

– Может, хоть на этот раз подходящую невесту присмотрите, – без особой надежды в голосе буркнул Алебар. – А то придумали себе забаву – то в деревенских дурачков влюбляться, то в принцесс, которым только в борделе место. Будь здесь ваши родители – не позволили бы деткам в холостяках засиживаться.

– Ничего, дед, скоро они вернуться к нам, и тогда погуляешь на трех свадьбах, – печально сказал герцог-чародей, – Прощай, наша свобода.

Слуга недоверчиво покачал седой головой: давно, дескать, слышу от братьев-разбойников обещания освободить короля с королевой, но толку по-прежнему мало. Ободряюще обняв старика, Фауст шепнул: «Скоро, дружище, совсем скоро».

Оставив Алебара, он поднялся на верхний этаж. Стражники почтительно сделали положенные шаги в стороны, четко отбили приветствие, стукнув по паркету древками алебард. Отворив дверь, Фауст с обычной робостью вступил в королевскую спальню, затаив надежду на чудо.

Увы, чуда не случилось. Чудеса вообще не случаются сами по себе, но нуждаются в долгой и тщательной подготовке. Царь лежал в прежней позе с закрытыми глазами. Ногти и борода заметно отросли, но то были едва ли не единственные признаки жизни, так похожей на смерть. Положив руку на грудь отца, Фауст досчитал почти до сотни, прежде чем почувствовал удар сердца. Чуть позже могучие мышцы груди медленно шевельнулись – спящий сделал вдох. С самого дня Поражения повелитель Нирваны словно старался подтвердить свою сущность вечно немертвого.

Было слишком больно видеть таким беспомощным того, кто по праву считался самым могучим из Второго Поколения. Не в силах сдержать чувств, Фауст резко повернулся и быстрым шагом вышел в коридор. «Я отомщу за вас, – шептал он, сбегая по лестнице, покрытой толстым ковром. – Мы отомстим».

Для начала он решил заглянуть в Амбер, чтобы разузнать последние новости. Должна же быть причина, из-за которой Верховные Силы замешкались с обрушиванием кар па освободителей Нирваны. Допустим, потерпевший поражение Логрус временно ослаблен, так что пощипанной Змее сейчас не до окраинных Отражений. Но Лабиринт-то цел и невредим, да к тому же, если Фауст правильно понял недавние колебания Мощи, обзавелся младшим бра-

тишкой! Или с этим Узором тоже приключилась какая-то неприятность, слухи о которой еще не достигли Артаньяна? Стало быть, надо навестить королевство Порядка – разгадка таится в тех краях...

Эти мысли проносились в голове Фауста, пока он брел по барханам к пляжу. Берег был пуст – только одинокая фигура герцога медленно передвигалась по мокрому песку, и морские волны тщетно старались окатить его сапоги.

Проще всего было бы козырнуть прямо в Амбер, не тратя времени на трансформацию Отражений, однако быстрый путь не всегда самый лучший. Змеиным отродьям, равно как ублюдкам Единорога, вовсе не обязательно прежде срока знать, что герцоги Нирваны являются истинными Повелителями Теней и вдобавок располагают полноценными Колодами.

Немного изменив окружающий мир, он очутился совсем на другом берегу, где рычали вулканы, а возле воды завалилась набок парусная лодка. Это суденышко, выброшенное на пляж давним ураганом, было сильно потрепано – дно прохудилось, расщеплено рулевое весло, парус изодран в клочья. Он наскоро подлатал лодку, то пользуясь колдовством, то припоминая плотничье мастерство, которым когда-то неплохо владел.

Примерно через час кораблик был оснащен новым парусом и полностью готов к плаванию. Ухватившись за вбитое в борта поперечное сиденье, Фауст поднял лодку и зашагал в море. Когда вода приблизилась к коленям и готова была плеснуть за голенища сапог, колдун опустил свою ногу и залез в суденышко, держась рукой за мачту.

По причине слабости ветра кораблик двигался слишком лениво. Фауст еще дважды менял Отражения, и наконец его окружил безбрежный штормовой океан. Мощный воздушный поток, наполнив парус, стремительно погнал лодку по волнам. Вдруг из воды показалась лоснящаяся спина с высоким треугольным плавником. Неведомый зверь величаво обогнал Фауста, после чего нырнул, оставив огромную бурлящую воронку.

Это была первобытная стихия, не знавшая человека. Кружившие над морем зубастые ящеры громко хлопали перепонками крыльев и с пронзительными воплями пикировали в море, а затем тяжело взлетали с панцирными рыбинами в кошмарных клювах.

Фауст задремал, прижавшись щекой к мачте, но вдруг пробудился, почуяв опасность. Прямо перед носом лодки поднимались из пучины и тянулись к нему длинные толстые щупальца, густо усеянные впечатляющими присосками. Небрежным взмахом руки, на пальце которой плотно сидел перстень, колдун отсек один устрашающий отросток. Раненая тварь так забилась в конвульсиях, что волны едва не опрокинули кораблик.

Раздраженно подумав, что отдохнуть не удастся, герцог достал из котомки магический кристалл, который от многовекового употребления приобрел форму почти идеальной сферы, а потому немного искажал изображение, однако не утратил своих чудесных свойств.

Прозрачный шар помогал видеть сквозь ближние Отражения. В беззаботном детстве Меф частенько водил младших братьев в отцовский кабинет, и они подолгу играли с кристаллом, заставляя магическое око показывать самые различные сцены: битвы, сокровищницы, купание царских наложниц. В тех забавах три брата довели до совершенства собственное искусство управления этим Амулетом.

Сейчас Фауста совершенно не интересовали картинки, извлеченные из полуреальных Теней. По его требованию шар показал схематическую карту мира, где среди наслоения существ разгуливали МТБ – Межтеновые Бури. Ничего подходящего поблизости не обнаружилось, но Мощь для того и существует, чтобы уметь ею пользоваться.

Оправленная в перстень Чешуйка была давно готова к работе, а вдобавок Фауст отвинтил узорный колпачок, закрывавший темляк на рукоятке его меча. Две «звездочки» запульсировали в едином ритме, раскинув густую сеть силовых линий. Пристально вглядываясь в хрустальную субстанцию волшебного шара, он взял под контроль ближайший смерч, заставляя

вихрь деформаций изменить направление. Минутой позже ярость Межтеневой Бури подхватила и помчала сквозь колоду Отражений лодку, окруженную сферой Мощи.

Море вокруг Фауста стремительно меняло цвет и консистенцию: на смену голубоватой жидкости пришли черная вязкая трясина, полупрозрачная розовая твердь и, наконец, пронизанное молниями ядовито-зеленое желе. По ту сторону защитной оболочки, сплетенной из силовых струн, мелькали гребные и парусные корабли, дельфины, спруты, рифы, огромные волны, водовороты, острова, какие-то пещеры, сцены морских сражений и неистовые брачные игры русалок.

Потом лодка понеслась по золотистому небу. Рядом летели неровные пласты суши, на которых были выстроены разноцветные домики, окруженные пышными садами и аккуратно подстриженными лужайками. Над летучими островами порхали прелестные крылатые человечки, а поблизости хищно барражировали громадные туши огнедышащих драконов.

Отслеживая маршрут по хрустальному шару, Фауст определил, что приходит время сменить курс. Ураган МТБ пронес его лодочку через узкую расщелину между шеренгами небоскребов, а затем во все стороны снова распахнулась свинцовая масса соленой окиси водорода. Чародей отдал мысленный приказ – и силовые струны двух Амулетов отшвырнули Межтеновую Бурю, и та умчалась прочь, торопясь вернуться на колею, с которой была сорвана могущественным колдовством.

Теперь кораблик герцога болтался на слабой волне под хмурым небом, затянутым тяжелыми иссиня-черными тучами. Неподалеку гремели залпы – это вели бой эскадры неуклюжих низкобортных кораблей с деревянными корпусами, обшитыми листовым железом. После каждого выстрела тихоходные броненосцы скрывались в облаке густого серо-голубого дыма. Фауст по-доброму позавидовал обитателям этого Отражения – у них был порох, пусть даже черный.

Впрочем, злая судьба не позволила спокойно любоваться морской баталией. Под ногами хлюпало, и пришлось потратить немало сил, чтобы заделать открывшиеся щели, а затем вычерпать набравшуюся воду. Когда он покончил с ремонтом, оказалось, что один корабль уходит под воду, получив таранный удар в левый борт. Над волнами торчала только мачта с сине-желто-зеленым флагом, пересеченным по диагонали волнистой красной полоской. «Такова жизнь, – философически подумал Фауст. – Чуть отвлекся – и наверняка не досчитаешься кого-то из близких».

Он снова взялся за кристалл. Между Отражениями во множестве циркулировали смерчи, рожденные Вторым Лабиринтом, который начертил его загадочный приятель Корвин. Среди такого обилия МТБ всевозможных форм и типов было несложно подыскать подходящую. Вскоре одно из завихрений, повинуясь Амулетам, поменяло тензор импульса и двинулось к Отражению, где скучал Фауст. В ожидании первых порывов Бури герцог рассеянно изучал кристалл и обнаружил тончайшую черную дугу, пронизывшую почти треть внешних слоев магического шарика – от Дворов Хаоса до окраин Амбера. Некоторое время назад такое образование уже появлялось, и случилось это, когда принц Бранд повредил Главный Узор. Фауст начал догадываться, почему Единорог не обратил свой гнев на его семью, но тут наконец-то налетел вихрь

Лодка вновь помчалась сквозь анфиладу реальностей, и он за считанные минуты достиг первой цели своего круиза. Утлая скорлупка с потрепанным парусом, подгоняемая попутным ветром, ходко пересекала бухту, направляясь к гранитному молу Амбера.

II

Корвин долго провожал сына взглядом. Понятно, что в Хаосе творятся непростые события, но Мерлин чересчур спешил – не поговорил толком с отцом и не подумал проводить через Отражения до цивилизованных мест. Оставил здесь, у самых Дворов, на поле Последней Битвы с Логрусом. Если так пойдет, совсем скоро оно станет называться полем Предпоследней Битвы...

Да что там не поговорил, что там не проводил – Мерлин даже забыл (или не захотел?) оставить папаше Колоду, так что теперь придется топать пешочком через всю Вселенную. Ясное дело – дитя Хаоса, откуда ему знать, что такое порядок в мыслях!

Повернувшись затылком к бастионам враждебной твердыни, Корвин решительно зашагал через каменистую пустыню. Свобода пьянила, наполняя энергией тело, изнуренное временем, проведенным в застенках, а жажда мщенья удваивала силы. Попутно в голову назойливо лезли несбыточные мечтания: вот бы сейчас появился кто-нибудь из братьев и козырнул его прямо в дворцовые палаты.

Увы, амбериты старательно избегали этих мест, и бродили здесь разве что придурки, по собственной тупости угодившие в элементарную ловушку. Он был абсолютно одинок – единственное живое существо на безграничной мертвой плоскости. Впрочем, если задуматься, он был одинок всю свою сознательную жизнь.....

Невеселые мысли не мешали заниматься главной на данный момент работой, и Корвин осторожно варьировал ткань реальности, шаг за шагом удаляясь от сердцевины Хаоса. Постепенно небо становилось не таким полосатым, хотя до настоящей однотонной синевы было еще не близко. Кое-где среди скал уже выглядывали пучки сухих колючек. По твердой выжженной почве изредка пробегали членистоногие уродцы, с чьих жал и жвал капало ядовитое дымящееся желе. Где-то вдали шумно пролетела стая демонических тварей. Это еще нельзя было назвать успехом, но беглый принц продолжал марш-бросок, не прекращая работать с Тенями.

На очередном повороте он допустил ошибку – над головой протянулась полоса пламени, стало слишком светло и ужасно жарко. Обливаясь горячим потом, Корвин видел, как в расколотом огненной струей небе сражаются крылатые гиены, а через пустынное поле пролегла Черная Дорога. Единственным плюсом этой трансформации стало превращение каменного грунта в зыбучий, но зато зной отнял и без того уходившие силы. Беглец жадно допил горячий осадок, плескавшийся на донышке фляги, и пополз на карачках дальше, усилием сознания изменив почти половину теневого характера.

Стало чуть получше – он лежал в грязной жиже под струями тропического ливня, а чересчур неосторожный аллигатор уже разинул челюсти, рассчитывая позавтракать. Корвин свернул ему башку, вспорол кинжалом (хоть эту железку Мерлин не забыл подарить на прощание) брюхо и с жадностью сжевал сочные печень и сердце зверя, запив дождевой водой. Легкая трапеца прибавила сил.

Следующая трансформация вывела его в новую реальность. В джунглях гремели там-тамы, тарактели автоматные очереди, доносились воинственные крики. Над пальмами висел трехвинтовой вертолет, поливавший заросли струями напалма. Потом снизу ударила ракета, после чего винтокрылая машина рухнула, развалившись на куски, и над деревьями поднялся огненный столб. Приятно было вновь очутиться в технологичном Отражении, так что Корвин сразу приободрился.

Пройдя пару дюжин шагов по тропинке, он набрел на место недавнего боя, где валялось не меньше роты мертвецов. Хотя трупоеды и жаркий климат основательно подпортили останки, нетрудно было представить, как здесь разворачивались события. Видимо, большая банда белокожих дикарей, облаченных в набедренные повязки и бусы из звериных зубов, ата-

ковала из засады численно уступавшее подразделение более цивилизованной армии. Копья, дротики, духовые трубки и ножи-мачете белой расы оказались не слишком эффективны против огнестрельного оружия здоровенных негров в бронежилетах поверх камуфляжных комбинезонов. В итоге полегли все.

Занявшись вульгарным мародерством, Корвин обзавелся короткоствольным автоматом, спутниковым радиотелефоном, осколочными гранатами, мачете с метровым лезвием в ладонь шириной и прекрасной солнцезащитной каской с козырьком. На каске было написано: *Empregia Dus Zambezi*. Еще он добыл несколько пачек сигарет с непроизносимым названием и жадно закурил, блаженно смакуя полузабытый вкус табачного дыма.

Немного погодя, когда Корвин был почти готов продолжить путь, он испытал еще одно забытое ощущение – кто-то вызывал его посредством Карты. Принц даже растерялся и не сразу вспомнил, что полагается делать в таких случаях. Но потом Корвин мысленно выполнил необходимые процедуры, и в воздухе перед ним развернулся прямоугольник, из которого выглядывало растерянное, но очень знакомое лицо.

Ухмыльнувшись, Корвин насмешливо произнес:

– А ты не торопился...

Ближе к сумеркам число пустых бутылок превысило критический уровень. Бритоголовые дружки-музыканты, перепившись до потери пульса, отчаянно сквернословили, изощряясь по адресу попсы и рока из доброго десятка Отражений, включая свое собственное. На днях затосковавший Рэндом прихватил их в турне по мирам, где приятели посетили множество концертов. Компания вернулась подавленная увиденным и с горя окунулась в загул.

– Эти ублюдки не способны импровизировать, – вопил басист Джимми, норовя ткнуться мордой в грудку окурков. – Играть в портовых кабаках – вот их потолок!

– В ноты не попадали, – тянул свое Пауль. – Единственное светлое впечатление – та скрипачка-азиатка в короткой кожаной юбочке. Джонни, она чем-то похожа на твою шлюшку-жену.

– Моя жена не шлюха, – огрызнулся слегка обиженный Джонни. – Она ни с кого не брала за это денег.

Динго Карр собрался добавить свое веское слово, но вдруг позеленел вдвое против обычного и явно вознамерился наблевать прямо на стол. Рэндом успел свистнуть Мартину, и тот, хоть и сам едва держался на ногах, отволоч ударника группы в сортир. Судя по звукам, они дуэтом опорожнили желудки, потом – пузыри и наконец – снова желудки, но теперь – с другой стороны.

Вновь заскучав, Рэндом принялся усилием воли катать раскиданные по всей комнате бутылки. Получалось неважно – все-таки Искусством в Семье по-настоящему владели только рыжие. Тем не менее, напрягая давно не тренированную способность, король с упоением гонял из угла в угол мелодично звякавшие стеклянные сосуды, получая от этого занятия бездну глубочайшего удовлетворения. Заминка случилась, когда он наткнулся на залежь граненых бутылок из-под виски, которые не способны были кататься по причине квадратного профиля. Обиженно хрюкнув, его величество решил складывать стекло штабелем. Однако невидимая рука, при помощи которой он работал, предательски дрожала, поэтому доморощенная Вавилонская башня всякий раз разваливалась, достигнув высоты полутора ярдов.

Посвежевший после всестороннего выворачивания наизнанку, Динго потребовал тишины и заявил:

– Слушайте, вы, подонки! Сейчас наш хозяин организует еще выпивки, а потом мы покажем всем мирам, как нужно делать тяжелый техно!

Остальные поддержали его нестройными выкриками. Обрадовавшись новому развлечению, Рэндом подергал кисточку звонка, но вместо лакеев почему-то явились два брата – Бене-

дикт и Блейз. Великие полководцы, уже тысячу лет игравшие в штурм Амбера и его же оборону, надавали музыкантам оплеух и выгнали в родное Отражение.

Только лидер группы Ник Юггер попытался вступить в дискуссию, но попытка закончилась плачевно. Кулак рокера промчался мимо челюсти Блейза, а сам Ник, схлопотав на полную катушку, кувыркком улетел сквозь Козырь.

После этого под аккомпанемент идиотского хихиканья принца Мартина Бенедикт схватил его величество за воротник джинсовой рубашки и утащил в ванную, где несколько раз погрузил августейший анфас в ледяную воду.

– Хватит, отвяжись! – заорал Рэндом. – Я уже оклемался.

– Проверим, – откликнулся безжалостный олдермен, макая короля в последний раз.

Когда Рэндом, скуля и отплевываясь, вернулся в комнату, пропитанную ароматом никотина, марихуаны и сивухи, Блейз заканчивал давать указания бригаде слуг:

– ...а потом попытаетесь отмыть, хотя плохо верится, что такое возможно.

– До сих пор получалось, – скромно поведал старший грум.

– Не стану спрашивать, как часто вам приходится этим заниматься, – проворчал Блейз. – Бен, ты привел его в чувство?

– Относительно, – сказал Бенедикт. – Иногда он бывал в лучшей форме. Например, в трехлетнем возрасте, когда няня уронила его в закипающий бульон.

От души расхохотавшись, Рэндом сказал сквозь смех:

– По-моему, это был черепаховый суп... – Он повернулся к слугам: – Томми, мы с братьями посидим в кабинете с водопадом. Организуй три пинты самого крепкого кофе, на который способны наши повара.

Он застонал, ощупывая голову. Трехдневная пьянка не проходит без последствий даже для Повелителей Теней.

Кабинет был декорирован под грот. Стенами служили грубо обработанные базальтовые плиты, сложенные каскадом, по которому струилась ледяная минеральная вода. Развалившись в креслах, замаскированных под пни баобаба, братья терпеливо ждали, пока Рэндом проглотит пригоршню таблеток. Потом Томми вкатил столик с кофейным прибором и удалился, низко поклонившись.

– Ждем остальных или начнем? – с кислым видом осведомился король.

– Пока поболтаем втроем, – сказал Бенедикт. – Правда, Джулиан с Жераром тоже рвались, но мы их отговорили. Мальчики слишком быстро возбуждаются.

Рэндом беспокоился, что дело может пахнуть отречением. Четыре брата контролировали самые многочисленные и боеспособные контингенты. К тому же, по случаю отсутствия Корвина, Блейз взял под свое крылышко мохнатых снайперов серебристо-черного смутьяна. Если эта компания сговорится, королевская гвардия капитулирует без сопротивления. Интересно, кого они собираются посадить на трон?

– Семья встревожена, – сообщил Блейз. – Проклятье, все просто в панике! Надо срочно спасать державу, а ты шляешься по кабакам и накачиваешься до скотского состояния.

Говорить на эту тему не хотелось, но деваться было некуда, и Рэндом процедил, отводя глаза:

– Братишки, я просто не знаю, что делать, вот рука сама и тянется к бутылке... Сейчас нам, как никогда, нужен Дворкин. Своими силами не управимся.

– Лабиринт можно отреставрировать и без дедулиной подмоги, – напомнил Бенедикт, – Отец смог сделать это, когда Логрус был намного сильнее, чем сегодня. А сейчас и Хаос в нокдауне, и повреждения Узора не столь значительны.

– Другими словами, я должен взять Камень Правосудия и пройти вдоль выжженного участка, – резюмировал Рэндом. – Осталась совсем маленькая проблема – найти Камень вместе с этой сучкой Корал.

Они долго спорили и нашли несколько многообещающих решений, каждое из которых неизбежно вело к смерти двух-трех принцев или принцесс. Главная же загвоздка сводилась к тому, что неизвестны места, где скрывалась новоявленная сестренка Корал. В самом худшем случае, если Мерлин уволок свою подружку в Хаос, на повестку дня вставала большая война с непредсказуемым исходом.

– В любую минуту Семья может потребовать общего сбора, – мрачно изрек Бенедикт. – Ничего умного на такой тусовке придумать никогда не удавалось. Девочки опять устроят истерику, Жерар полезет в драку, Джулиан разругается с Мартином, Фиона – с Флорой, и начнется грандиозное шоу с выяснением давних обид.

– Мне нужна самая полная Колода, – сказал вдруг Блейз.

Они разложили на столе все Козыри из своих наборов, Рэндом достал из тайника запасные Карты, которыми практически никогда не пользовались, и братья скомплектовали Колоду двойной толщины. Затем Блейз тщательно перетасовал это чудовище, а Бенедикт здоровой рукой порезал стопку на четыре части и сложил в новом порядке. Затаив дыхание, Блецз снял верхнюю Карту и осторожно перевернул вверх лицом. Открылся Пиковый Туз.

Чертыхнувшись, рыжий колдун-воитель открыл одного за другим остальные три туза. Братья слегка обалдели – такого не случалось даже в прошлом столетии, когда они искали пропавшего отца. Поразмыслив, Блейз провозгласил:

– Есть только одно объяснение – к нам приближается высокий гость, везущий известия особой важности.

Он решительно взял следующую Карту, которая оказалась Козырем Корвина.

– Корвин уже много лет не отвечает на все наши призывы, – растерянно пробормотал Рэндом, машинально поглаживая изображение исчезнувшего брата.

К его удивлению, атласный прямоугольник сделался ледяным. Вскрикнув, король затаил дыхание – лишь бы не спугнуть миг удачи! – и приказал Козырю раскрыться. Портрет на Карте ожил, показав фрагмент тропического леса. Кроме традиционного черного костюма с серебряной расшивкой, на Корвине была нелепая полусферическая каска, обтянутая веревочной сеткой. Скривив губы, Корвин нагло заявил:

– А ты не слишком торопишься мне на помощь, дорогой братишка...

Услышав его голос, Бен и Блейз подбежали к королю, выкрикивая приветствия. Тем временем Корвин, раздвинув Карту, шагнул из джунглей прямо в кабинет.

Он полулежал на своем любимом диване, потягивал бренди и отвечал на непрерывный поток вопросов, запас которых у братьев казался неисчерпаемым.

– Ладно, успокойтесь, – сказал он наконец. – Давайте я расскажу по порядку. Если кто-то помнит, у меня начался очередной приступ депрессии. Никого не хотелось видеть...

Разумеется, Корвин не стал уточнять, что причиной черной хандры, переросшей в грандиозный загул с дебошем и оргиями, был разрыв с Дарой. Точнее – внезапное осознание простого факта: демоническая – принцесса хладнокровно и умело использовала его, как последнего лоха, после чего выбросила за ненадобностью.

– ...и вот однажды я малость просох и обнаружил себя в какой-то берлинской забегаловке, а вокруг бесновались всякие там «осей» и «весси», с увлечением ломавшие стену, окружавшую часть этого городишки. Вдруг мелькнула мысль: Амбер и Хаос тоже разделены стеной, воздвигнутой неизвестно кем в неведомые времена. И почему бы, – решил я с похмелья, – не разломать эту стену между двумя королевствами...

– После чего ты наверняка отправился в гости к Суэйвиллу, – вставил Блейз. – Наверное, стоило бы предварительно связаться с кем-нибудь из нас.

– В тот момент я про вас даже не вспомнил, – признался Корвин. – К тому же в нашей Семье вообще не принято делиться планами. Короче, я козырнулся к воротам Дворов и потребовал встречи с Мерлином. Как назло, сын в это время грыз науку где-то в Калифорнии. Стражники же, будучи тварями тупыми и подлыми, забыли сказать об этом обстоятельстве и просто проводили меня в апартаменты Мерлина. Кажется, я задремал, а когда проснулся, рядом стояла Дара и блаженно щерилась, сверкая двенадцатидюймовыми клыками. Тем временем ее подручные вязали меня по рукам и ногам. На прощание Дара объявила, что я совершил массу гнусных прегрешений в отношении Хаоса, а потому проведу остаток своих веков в темнице, которую прежде занимал Оберон.

Он замолчал и снова наполнил стакан. Братья терпеливо ждали продолжения, но Корвин молчал, поэтому король поинтересовался:

– Что же было потом?

– Практически ничего. Я просидел в абсолютной тьме около года. Дара как-то сказала, что темпоральный поток в камере течет очень медленно. Полагаю, в Амбере за это время прошло лет пять. Пару раз Дара навещала меня и смачно рассказывала, как они в ближайшее время сокрушат Амбер, чтобы воздвигнуть хлев для драконов на месте Главного Лабиринта. А вчера вдруг появился Мерлин и освободил меня.

Корвин снова умолк, вспомнив, как во второй визит Дары попытался заговорить о чувствах, что соединяли их когда-то. Такого унижения он не испытывал даже в день коронации Эрика, когда был ослеплен. Дара издевательски расхохоталась, популярно растолковав бывшему сожителю, что для нее, родовой аристократки Хаоса, до боли омерзительны все ублюдки, в чьих жилах не течет голубой огонь. «Наша связь была вынужденным грехопадением во имя великой цели, – надменно заявила она, – И я бросилась в эту грязь, поскольку лишь таким образом могла смыть позор с нашего рода и вернуть Птенцов Дракона в Книгу Чести». Позорным пятном этого рода была, как видно, оплошность прабабки, которая переспала с кем-то из амберитов, после чего Птенцов вычеркнули из списка аристократических фамилий. Родив же сына от амберита, Дара внесла некий вклад в глобальный план владык Хаоса и в конце концов заслужила право выйти замуж за Суэйвилла...

– Значит, Хаосу нужна война, – с угрозой проговорил Бенедикт, взмахнув перебинтованной выше запястья кулечей. – Ну, что же, если они придут – мы готовы.

– Кстати, как твоя рука? – полюбопытствовал Корвин.

– Отрастает потихоньку. Кисть почти регенерировала. Если и дальше пойдет тем же темпом, через год вернутся пальцы.

– Хотя что-то у нас хорошо. – Корвин щелкнул языком, – Братишки, вы не хотите меня тревожить раньше времени? Напрасно. Я уже видел Черную Дорогу. Неужели кого-то из наших зарезали на Узоре?

Лица братьев сделались мрачными. Блейз сказал с отвращением:

– Один бастард, закадычный приятель твоего сынка, повредил Главный Лабиринт.

– Он же ничего не знает, – вздохнул Рэндом. – Сидел в камере без всякой связи с внешним миром... Кор, мы расскажем подробности, когда ты отдохнешь.

– Рассказывайте сейчас же! – потребовал Корвин. – Других дел у меня сейчас нет, а отдохнуть я успел, пока бездельничал в тюрьме Хаоса.

– Только учти, мы сами знаем далеко не все, – предупредил король. – Главным участником событий был твой сын, и он не спешил делиться новостями. Из-за этого неприятности всякий раз заставляли нас врасплох.

– Мне он тоже мало чего рассказал, – сказал Корвин. – А в чем заключались ваши проблемы – козни Хаоса?

– Мы об этом не догадывались... – Рэндом махнул рукой. – Отношения с Хаосом внешне выглядели безоблачными. Эти трансформеры ловко маскировали свои замыслы. Семья успокоилась, и все вернулись к обычным занятиям. Когда в прошлом месяце начали поступать тревожные сигналы от агентуры, мы поначалу решили, что эти события не имеют отношения к проискам Дворов. Более того, основные события разворачивались вокруг Мерлина, поэтому я подумал, что дело в дразгах вокруг престола, который был готов высвободиться из-под обесилевшего Суэйвилла.

– Что же случилось с Мерлином? – нахмурившись, осведомился Корвин и отодвинул полупустой стакан.

– Если бы только с Мерлином! – вырвалось у Рендома. – Прежде всего, появились новые братишки и сестренки. Папаша Оберон наплодил их в чрезмерном количестве.

– Живописная компания, – ухмыльнулся Блейз.

Услышав о целом выводке прежде неизвестных сородичей, Корвин понял: дела идут скверно. Новые или хорошо забытые (что, как известно, одно и то же) отпрыски Оберона давали знать о своем существовании лишь при самом гнусном стечении обстоятельств. А уж если они появляются пачками – жди очень большой беды...

... Первым Блейз назвал Далта, сына полусумасшедшей партизанской атамани по прозвищу Дила-Осквернительница. Эта сдвинутая по фазе колдунья с маниакальным упорством посылала своих фанатиков-смертников в атаки на гарнизоны, охранявшие рубежи Амбера. В конце концов Оберон поимел ее сначала на поле боя, а потом – в ближайших кустах. Поскольку его величество принципиально не пользовался контрацептивами, у Дилы родился пацан амберской крови, впитавший ненависть к королевству Единорога с первыми же каплями материнского молока.

Следом отыскался сын Бранда от Ясры – мелкой колдуньи с окраин Хаоса. Ринальдо так же люто ненавидел Амбер и вдобавок унаследовал от Ясры магические таланты. Он добыл для банды Далта оружие, способное стрелять в Отражениях, прилегающих к Лабиринту, и это дикое воинство тайно готовилось штурмовать Амбер. В свободное от подготовки к войне время Ринальдо учился в одном университете с Мерлином, который, по простоте душевной, считал этого выроodka своим ближайшим другом. Пользуясь наивностью приятеля, Ринальдо неоднократно пытался убить Мерлина, но добыча оказалась ему не по зубам. Пока.

Кроме того, вновь замаячили на горизонте Санд и Делвин. К счастью, оба не поддались на уговоры Ринальдо и не стали вмешиваться в интриги, окружавшие схватку Великих Сил. Опять же пока.

Коллекцию новоявленной родни завершала юная Корал, которую Оберон прижил от Кинты, жены герцога Оркуза, который уже лет десять правил Бегмой. С ней случилась непонятная история, подробностей которой в Амбере так и не узнали. Когда Корал сообщила Мерлину, что доводится ему родной тетушкой, тот на радостях помог дочери Оберона пройти Узор. Корал благополучно преодолела дистанцию, после чего Лабиринт закинул ее в неведомое место, где мнимая наследница Оркуза не могла отвечать на козырные призывы.

Самое неприятное, что Ринальдо и Далт также прошли Лабиринт, получив способность разгуливать по Отражениям. Благодаря этому снайперы из отряда Далта сумели застрелить Каина и тяжело ранили Блейза. Однако затем между дядей и племянником случилась размолвка, и Ринальдо бросился за поддержкой к Мерлину. Последний не раз рисковал жизнью, спасая кузена, почему-то забывая, что Ринальдо приносит ему одни неприятности.

Попутно происходили какие-то эксцессы в печально известном Замке Четырех Миров, который за короткий срок сменил нескольких владельцев. До последнего времени Источником Мощи повелевала некая Джулия Барнес, смертельно обиженная на Мерлина. Последний то ли

бросил Джулию, то ли не проявил должного почтения к ее магическим талантам. Для истеричной девицы оба повода достаточны, чтобы развязать незатухающую вендетту.

Подробности тех эксцессов в Амбере опять-таки знали плохо. Было только известно, что Ринальдо предпринял серию вылазок, чтобы вытащить из Замка свою мамашу, которую Джулия, заколдовав, лишила способности двигаться и превратила в вешалку, подобно тому, как столетием раньше Ясра и Бранд сделали неподвижным чучелом Шару Гаррула – довольно сильного колдуна и прежнего владельца Замка.

Известно также, что Ясра перед обращением в неподвижность имела виды на Кашеру, планируя сделать Ринальдо монархом этого лакомого кусочка. Чтобы Бегма не слишком протестовала против воцарения ее сына, старая ведьма собралась женить Ринальдо и Корал, поскольку те были обручены еще в раннем детстве. Однако у Рэндома и других членов Семьи сложилось впечатление, что Корал, прежде чем исчезнуть, успела закрутить роман с Мерлином, так что теперь сложился роковой любовный треугольник с вершинами в Амбере, Хаосе и Кашере.

В довершение прочих осложнений, Мерлина смертельно возненавидел принц Юрт, рожденный Дарой якобы от Суэйвилла. Впрочем, учитывая преклонный возраст последнего, более вероятным казалось, что отцом Юрта был кто-то из вельмож Хаоса рангом ниже. Например, тот же герцог Борель, которого так ловко зарубил Корвин.

Так или иначе, Юрт без конца подстраивал брату Мерлину всевозможные пакости, но неизменно терпел поражение. Если верить просочившимся в Амбер обрывкам информации, Юрт собирался пришить не вполне родного брательника в надежде возглавить реестр наследников трона. Обуреваемый высокими помыслами принц Хаоса снюхался с Джулией, которая помогла ему пропитаться Мощью из Источника. После этой процедуры Юрт превратился в магическое существо высокого ранга и приобрел некоторые свойства Козыря, как это прежде случилось с Брандом. Однако Мерлин с Мандором, расколдовав Ясру, прогулялись в Замок Четырех Миров, где изрядно поколотили Джулию и Юрта. Теперь от Замка осталась груда развалин, не подлежащих даже самому капитальному ремонту, но Источник цел, причем повелевает им Ясра.

Наконец буквально позавчера Мерлин каким-то образом утащил Камень Правосудия из комнаты Рэндома, но тут в королевский дворец ворвались Лабиринт и Логрус, устроившие драку за обладание этим талисманом. После недолгого выяснения отношений Символ Хаоса был с позором изгнан восвояси.

К прискорбию, схватка Великих сделала непригодным для жизни целое крыло дворца, а Корал осталась без глаза. Не вовремя вернувшийся маразматик Дворкин взялся подлечить бедняжку и вставил Камень Правосудия в ее опустевшую глазницу. После этого Корал снова исчезла, но потом на короткое время объявилась в Джидраше, столице Кашеры, где прошла брачную церемонию с Ринальдо. Последнего Рэндом незадолго перед тем сделал монархом этого анклава при условии, что племянничек откажется от вражды с Амбером. Вскоре Корал опять пропала, причем некоторые обстоятельства указывают, что к ее исчезновению причастны Лабиринт и Логрус.

На другой день Мерлин, всегда проявлявший излишнее доверие к сыну Бранда, привел Ринальдо к Главному Лабиринту. В виде ответной благодарности Ринальдо, стоя на Узоре, полоснул ножом собственную ладонь, Капли пролившейся крови выжгли язву, сквозь которую вновь пролегла Черная Дорога. Удовлетворенный содеянным, Ринальдо козырнулся в неизвестном направлении...

– Вроде бы все, – не слишком уверенно сказал Рэндом. – Кажется, мы сумели вспомнить все основные события.

За месяцы заточения Корвин вроде бы должен был утратить способность удивляться, но сейчас он испытывал сильнейшее потрясение. Понадобилось изрядное время и полный стакан неразбавленной водки, чтобы немного опомниться и пробормотать:

– Мерлин излагал эти события в несколько ином ракурсе... У парнишки получалось, что он был вынужден помогать разным приятелям, с которыми постоянно случались всяческие неприятности. И ни слова о том, что всего неделю назад эти приятели рвали пупок, пытаясь его замочить.

Список совершенных Мерлином глупостей выглядел внушительно: освободил Ясру, зачем-то подарил ей Источник, не раз спасал хитрого подлеца Ринальдо, провел через Лабиринт своего злейшего врага Юрта... Это была уже не просто глупость. Это была даже не ошибка. Это был диагноз! Не лучше смотрелся и Рэндом, практически даром уступивший Ясре такие лакомые кусочки, как Кашера и – в виде приданого Корал – Бегма. Если присовокупить некоторые выходки остальной родни, включая самого Корвина, напрашивались неутешительные выводы относительно умственных способностей королевской семьи Амбера.

В отчаянной надежде отыскать в поступках сына хоть какой-нибудь намек на здравый смысл, Корвин схватился за последнюю соломинку:

– Мерлин говорил, что у него есть верный друг – некий Люк Гейнард...

Дружный хохот братьев лишь усилил его недоумение. С немалым трудом подавив приступ мрачного веселья, Блейз просветил его:

– Я был уверен, что мы забудем рассказать какую-нибудь малость. Люк Гейнард – это имя, под которым Ринальдо жил на Земле... Теперь тебе все понятно?

– Теперь я вообще ничего не понимаю, – признался Корвин.

Он снова задумался над загадками, которые безжалостно обрушились на его малость отупевшие от тюремного отдыха мозги. Допустим, Мерлин мог ошибиться – мальчик всегда был патологически наивен, доверчив и недалковиден. Но как объяснить другое: сын Бранда демонстративно угрожает забрызгать Главный Узор своей поганой кровью, а этот сверхразумный сгусток Мощи даже не пытается предотвратить собственную гибель?! Такое впечатление, будто сам Лабиринт, вслед за королевской Семейей Амбера, начисто утратил инстинкт самосохранения и неотвратимо регрессирует к полной дебилности.

– Пока я вижу только одну неотложную задачу, – мрачно провозгласил он, прервав бесплодную разминку мозговых извилин, – Из-за повреждения Лабиринта равновесие должно было резко качнуться в пользу Хаоса. Поэтому надо срочно найти Корал, извлечь Камень Правосудия из глазницы новоявленной сестренки и организовать реставрацию Узора.

Рэндом тихим голосом поведал, что они уже обсуждали этот вопрос. Блейз добавил:

– Равновесие пока не нарушилось фатальным образом. Нарисованный тобой Узор продолжает удерживать баланс сил. Однако без Камня Справедливости мы остались в проигрышной ситуации, и постепенно преимущество переходит к Логрусу. Еще немного – противник вновь двинет войска вдоль Черной Дороги.

Последним высказался Бенедикт:

– К войне все готово. Мы с Блейзом и Джулианом пополнили армии, которые уже разворачиваются на подступах к Амберу. Флот Жерара контролирует воды ближайших Отражений. Думаю, ты тоже внесешь свою лепту. В прошлом у тебя неплохо получалась вербовка крупных контингентов.

Корвин немедленно вспомнил воинственных негров из Империи Замбези, но затем пришла более трезвая мысль, и он сказал:

– Не тревожьтесь понапрасну. Пока мой сын остается королем Хаоса, дорогие соседи не станут воевать с нами.

– Мерлин стал королем? – недоверчиво переспросил Блейз. – Братец, тебе стоит измерить температуру. И – независимо от результата – выпить бром.

– Сам успокойся, – весело огрызнулся Корвин. – Дара наняла очень крутого киллера, который убрал остальных претендентов, так что теперь ваш племянник возглавляет список наследников трона. Если ничего не случится, завтра-послезавтра пройдет коронация.

Рэндом снова расхныкался, начал причитать: дескать, его, короля, никто не уважает, и даже родной племянник не считает нужным сообщать о важнейших событиях.

– К тому же он изо всех сил старается держать нас в неведении насчет Корал! – восклицал возмущенный Рэндом. – Спрятал ее вместе с Камнем где-то в Отражениях, а мы сидим тут, уподобившись куче идиотов, и гадаем, как нам отремонтировать Лабиринт.

– Наша порода. – В голосе Корвина смешались гордость и осуждение. – Мы вечно уверены, что способны в одиночку решить самые грандиозные проблемы.

– Обычно такие надежды оказывались вредным заблуждением, – напомнил Бенедикт. – Но сейчас я вижу две неотложные проблемы. Во-первых, отыскать Камень Правосудия – вместе с Корал или без нее. Во-вторых, любой ценой удержать Мерлина поближе к трону Хаоса.

Рэндом продолжил с брезгливой миной:

– А в-третьих, срочно прикончить Ринальдо. Сначала Бранд, потом его ублюдочный сын разрушили Узор, всякий раз ставя нас на грань гибели. Эта семейка опасна, а потому должна быть истреблена под корень.

– Стало быть, нужно расправиться еще и с Ясрой, – резонно добавил Блейз.

Братья согласились с этим дельным замечанием, и Корвин предложил:

– Если не возражаете, я займусь этим. Только отдохну день-два. Может быть, три.

Они правильно поняли его намек и откланялись, пожелав поскорее восстановить силы. Корвин не сомневался, что известие о его возвращении уже распространилось по дворцу и даже выплеснулось за пределы оногo – члены Семьи разбросаны по разным Отражениям. Отдохнуть по-человечески не получится – скоро пожалуют остальные принцы и принцессы, а также придворные вельможи, генералы и все прочие, кто считает себя обязанным засвидетельствовать почтение и другие не обязательно искренние чувства.

Корвин вдруг понял, что будет рад снова повидать родню. Странное ощущение. Много лет назад, после пробуждения в психушке, едва восстановив память, он желал много всякого, но вот о встрече с братьями и сестрами думал в последнюю очередь. Что ж, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, как говорил толстый, вечно пьяный римлянин, которому Корвин однажды проломил лысину бронзовой кружкой...

Обстановка комнаты привела его в ностальгическое состояние: потертый ковер из Тебриза, любимый диван работы лионского мебельщика времен Анри Четвертого, гобелены, гравюры, коллекция оружия, авалонский стол черного дерева, изящные кресла и стулья, которые он привез то ли из Бегмы, то ли из давно растаявшего Отражения Кюрагдамюр. А вот серебряные розы в рубиновой вазе успели завянуть. Надо будет прогуляться в известное место и обновить запас. Кстати, кто принес сюда эти цветы?

Мысли вернулись к сыну. Как там Мерлин? Прочно ли сидит на троне? Конечно, Дара будет всеми силами и средствами заботиться о его безопасности, но вряд ли аристократия Хаоса смирится, что королем стал потомок амберских владык. Мальчишка не знает слова «осторожность». Случайных приятелей и заклятых врагов считает друзьями и союзниками, водит их по самым сокровенным местам королевства. Надо будет связаться с ним...

Спохватившись, Корвин принялся вспоминать, где в этих апартаментах могут быть Козыри. Кажется, он оставил несколько стандартных Колод в секретере... Действительно, главное средство дальней связи лежало в ящике, причем несколько Карт буквально затопили всю комнату лютым морозом – добрая половина Семьи страстно желала пообщаться с неожиданно-негаданно вернувшимся братом.

III

Времени на сборы не оставалось, но Мефисто понимал, что без этой задержки не обойтись. Он быстро открыл тайник и достал шкатулку, искусно выточенную из аквамаринового кристалла. Многие аристократы Хаоса продались бы в двухсотлетнее рабство кому угодно, даже заклятым врагам-амберитам, лишь бы заслужить право разок попользоваться тем, что хранится внутри... Меф бережно извлек Амулет – большую, с дюйм в поперечнике тускло-серебристую звездочку со множеством кончиков-лучей, прикрепленную к изящной цепочке из легкого металла сверхъестественной прочности. Спустя мгновение источник Силы висел на шее, а пустая шкатулка отправилась в один из карманов прославленного при Дворах убийцы.

Затем Меф щелкнул пальцами. Амулет выпустил невидимые нити энергии, и вороненые доспехи сами прыгнули на него из стенной ниши, смыкаясь вокруг тела. По всему дворцу пронеслись сигналы тревоги, поднявшие на ноги каждого, кто был хоть немного знаком с Искусством. Мотая головой, чтобы усадить на место шлем, Меф вооружился мечом – это был, увы, не настоящий фамильный меч, но тут уж ничего не поделаешь, – повесил на другой бок связку кинжалов, завязал на шее тесемки плаща. Еще раз огляделся – кажется, все. В этой клетке, которая так долго служила ему жилищем, не оставалось предметов, представлявших ценность для того, кто родился изгнанником.

Все-таки он слишком замешкался – поблизости уже слышались шаги. По комнатам, расположенным в примыкающем Отражении, подкрадывались два... нет, даже три аборигена. Меф меланхолично рассудил: прежде чем покинуть Дворы, придется немного развлечься схваткой с этими самоубийцами.

Трое ворвались в гардеробную в глупой уверенности, что способны застать его врасплох, однако нирванский герцог, всегда готовый к приему дорогих гостей, встретил их, сжимая оружие в обеих руках. Клинок меча, описав прямоугольник в горизонтальной плоскости, с хрустом перерубил позвонки и мышцы, отделив от мохнатого торса голову, скалившую волчьей челюсти. Одновременно зазубренное четырнадцатидюймовое лезвие кинжала вспорол брюхо второй твари, которая выронила секиру, сделала несколько шагов на подгибающихся козлиных ногах и только затем тяжело повалилась на паркет. Из огромной раны вылетали клубы искр и медленно вываливались кишки, напоминавшие толстого длинного удава, который только что проснулся и лениво разматывает свое тело, свернутое тугими кольцами.

Меф не стал любоваться агонией этой пары – не успели остывающие туши коснуться паркетных плиток, а он уже занялся третьим, который потребовал больших усилий. Демон по имени Кадодис отрастил четыре многосуставчатые, как у исполинского богомола, лапы с шипами и настырно лез в драку, пытаясь обезоружить противника, а затем схватить и подтянуть к жвалам. Впрочем, не исключено, что он имел приказ брать его живьем. Мефа такие нюансы не волновали.

Достать противника клинком оказалось непросто: порождение Хаоса уверенно держало дистанцию, энергично размахивая длинными верхними конечностями. Пришлось малость подкоротить их несколькими взмахами меча, и лишь после этого Меф сумел прорубить хитиновый панцирь на груди врага и виртуозным движением вырвать рассыпающееся снопы искр темно-зеленое сердце. Труп гигантского насекомого шумно рухнул на пол.

Почти тотчас же на герцога бросилось еще несколько монстров. Они ворвались в комнату, проломив стены острыми копытами суставчатых тараканьих лап. Мефисто ударил их пучками энергии из висевшего на шее Амулета. Четверых магия сожгла на месте, и только пепел насекомых обжег лицо мимолетной волной. Затем запасы разрушительных сил в Чешуйке Скорпиона исчерпались, и последний луч всего лишь пробил насквозь панцирь очередного гвардейца. Снова пошли в дело клинки. Нирванский герцог прорубился сквозь редеющий

строй противника, помечая свой путь ворохом обезвреженных обитателей Хаоса. Он так увлекся этой забавой, что даже удивился, когда, рассекши пополам очередного членистоногого, не увидел следующего врага.

Умертвленные наемники вдовствующей королевы перестали подавать признаки жизни. Извергаемые ими огненные фонтаны теряли напор, но жара этих костров хватило, чтобы поджечь мягкую мебель и гардины. Удовлетворенно оглядев интерьер, Меф взмахом рук раздвинул пламя не на шутку разыгравшегося пожара. Затем, коснувшись Амулета, прошептал заклинание, открывшее путь сквозь анфиладу миров.

Здесь, в ближней окрестности Дворов Хаоса, где Тени были податливы и проницаемы, опытный чародей мог делать так, как ему вздумается. Меф без труда свернул в трубку обширный пласт Отражений и устремился через этот тоннель. На свободу.

Сегодня было много смертей, и Амулет легко накопил запас энергии. Доспехи сомкнулись плотнее, превратившись в закругленный вокруг головы цилиндрический снаряд, а полы плаща распахнулись панелями солнечных батарей. Он мчался в пространстве, заполненном вязкими пузырями, которые разбухали, наливаясь яркостью, после чего-либо лопались, либо становились звездами – карликами, субкарликами, гигантами и сверхгигантами всех цветов. Родившись здесь, светила уносились вдоль скрученного спиралью континуума, чтобы засиять на предначертанных ярусах многослойной, словно сандвич, Вселенной.

Та же сила, которая расставляла по местам ожерелья звезд, подхватила Мефа и после некоторых странствий вне времени и прочих размерностей зашвырнула в мир, почти похожий на настоящий. Впрочем, окончательное решение вопроса – настоящий это мир или жалкое подобие натуральности – зависело исключительно от вкуса и точки зрения.

Временно превратившись в космическую капсулу, Меф летел сквозь пустоту в опасной близости от не слишком большого красноватого солнца, и ленивые медузы протуберанцев колыхались совсем рядом, словно хотели ласкающим прикосновением обжечь его сверкающий в лучах звезды корпус. Становилось жарко – вода давно бы испарилась, а свинец расплавился. Запустив маневровый двигатель, старший из сыновей Вампира направился к ближайшей планетке и опустился на раскаленные скалы, тормозя струями ракетных выхлопов. Планетка попала в непригодная для жизни, но подобные мелочи не имели значения для того, кто рожден повелевать Отражениями, которые отбрасывает Истинный Мир.

Ощувив почву под опорами посадочных стоек, он не медлил ни секунды, поскольку весь план необходимых действий сложился еще в полете, когда Меф ломился через лабиринты космоса. Начинался новый этап бегства.

Мефисто не сомневался, что по его следам уже пущена погоня. Будь реальной надежда, что идет отряд опытных охотников, незаменимых в розыске, но почти беспомощных в бою, он не стал бы спешить, а просто подождал бы этот сброд в укромном местечке и спокойно перебил бы, напав из засады. Но трудно было усомниться, что Дара снарядит команду, состоящую из лучших следопытов и самых опытных воинов, с коими рискованно драться даже один на один. Поэтому Меф предпочел для начала основательно запутать следы, уводя преследователей подальше от мест, куда он намеревался направиться.

Простая манипуляция с Отражениями – и он, вновь обретя почти человеческий облик, стоял в долине, продуваемой яростными вихрями взбесившегося урагана. По ядовито-желтому небу носились клочья облаков, ненадолго заслоняя гроздь разноцветных солнц. Порывы ветра швыряли в лицо пыль и щебень. Просачиваясь сквозь микроскопические зазоры шлема, песчинки щипали глаза, сыпались за воротник. Мотая головой, как буйвол, атакованный роем слепней, Меф побежал по ложбине, разделявшей почти параллельные цепочки холмов, и пейзаж вокруг стремительно менялся с каждым его шагом. Рельеф поплыл, становясь все более идиллическим, тогда как небосвод наливался голубизной, миновав стадию фиолетовой и зеле-

ной окраски. Потом небо вдруг сделалось твердым, и Меф знал, что оно, подобно куполу, накрывает плоский блин этого Отражения.

Увернувшись от скакавшего напересечку стада копытных и преследовавшей их стаи диких кошек, он снова изменил параметры Отражения, вследствие чего переместился из этой примитивной вселенной в пламя, через которое приходилось прыгать, словно с кочки на кочку, по редким скалам, поднимавшимся с твердого дна этого огненного моря. Перебравшись на другой берег, Меф придал своему телу усиленную защиту против радиации и сделал небо красно-лиловым с ослепительно белым солнцем-великаном, изливавшим смертоносные потоки нейтронов и гамма-лучей. Исполинский полупрозрачный зверь попытался броситься на него сбоку, но Меф легко отразил атаку и столкнул гиганта в пропасть. Зверь оказался детенышем, и его вопли всполюшили старших хищников. Ускользая в соседнее Отражение, коварный брат Фауста и Вервольфа не смог сдержать злорадной ухмылки: тем бедолагам, которые спешат по его следу, предстоит приятная встреча с десятком разъяренных призраков.

Огромными прыжками он пересек черную страну молодого мира, где было много неустойчивых изотопов и беспрерывно гремели ядерные взрывы средней и малой мощности. Оттолкнувшись от каменистого уступа, Меф в полете превратился в приплюснутого восьмиланного краба, одно из сердец которого разглаживало антигравитационным полем самые изощренные искривления пространственной метрики. Если бы не эта предосторожность, он был бы раздавлен чудовищной силой тяжести, царившей на поверхности нейтронной звезды.

Последний обходной маневр швырнул его в гибельные края, где облака позитронов пульсировали вокруг ядер, в глубине которых сливались в единую массу антинейтроны и антипротоны. Пожалуй, эта предосторожность оказалась лишней – предыдущие ловушки должны были избавить Мефа от любого или почти любого преследователя. Однако старший наследник семьи изгнанников заслужил столь дурную славу во многом благодаря своей дьявольской осторожности, не раз спасавшей его от мелких неожиданностей, самой приятной из которых была мучительная смерть на костре.

Совершив очередную коррекцию Отражений, он покинул антимира и перенесся в океанскую пучину, где пятикилометровый столб соленой воды, насыщенной сероводородом, пытался раздавить его тело двенадцатирукого спрута. Пульсируя реактивным двигателем, Меф выплыл на поверхность. Тяжело передвигая длинные щупальца, он поплыл в сторону близкого берега. Оказавшись на отмели, беглец выполз на пляж, усыпанный мелко перемолотыми кораллами. Над головой стремительно вращалось инфракрасное небо, скудно декорированное черными дырами, пылевые оболочки которых лениво испускали рентгеновские кванты.

Пришло время возвращаться в менее экзотичные Отражения, и вокруг снова замелькали пейзажи почти привычных миров. Он быстро избавился от атомов, составленных из мезонов разного сорта, потом снова появились кварки и традиционная структура квантовых уровней. Цвет неба совершил хаотичную эволюцию по всему спектру, пока не сделался нежно-голубым, а листва флоры приняла зеленую окраску Мефисто шел по дороге, вдоль которой то появлялись, то исчезали строения деревянные, каменные, саманные, а то и возведенные над болотами шалаши на сваях. Изредка обстановку разнообразила экзотика вроде виселиц с полуистлевшими трупами, жертвенных костров или неаккуратно наваленных холмиков из сотни-другой черепов – не обязательно гуманоидных.

Однажды около его уха свистнул костяной наконечник длинной оперенной стрелы. В другой раз Мефа обстреляли из мушкетов солдаты, наряженные в ярко-красные мундиры с желтыми перевязями. Слишком утомленный безумным путешествием, чтобы по столь ничтожному поводу менять Отражения или искать подходящее оружие, он просто бросился на них, остервенело вращая мечом, и уложил на месте не меньше трех мушкетеров. Остальные разбежались. Раненый солдат бормотал что-то, но не было сил вдуматься в смысл этих смутно знакомых слов. Кажется, абориген в беспамятстве звал своего капитана.

С огромной натугой переместившись в соседнее Отражение, Мефисто понял, что допустил ошибку. Это была одна из демонических реальностей, поэтому не стоило рассчитывать на дружелюбие здешних обитателей, а он слишком устал и уже не способен был продолжать бег с препятствиями к далекому архипелагу родных миров. Пошатываясь, Меф ввалился в какую-то затянутую паутиной пещеру, между делом зарубил случившегося там оборотня, кое-как установил на входе охранительные заклятия и забылся тяжелым сном.

Всю ночь его беспокоили какие-то мерзкие твари. Кажется, в пещеру настырно ломился пьяный демон. Однажды Меф даже буркнул, не разжимая тяжелых век: «Не суйся, дурак, тебе же хуже будет», и опять уснул. Некоторое время он блаженствовал в идеально пустом мраке, потом в его видения проникла целая стая разъяренных монстров. По глазам ударил яркий свет, и снова стало темно и тихо, но под утро вновь навалились пугающие сновидения.

Очнувшись, Сын Вампира не сразу понял, что орды терзавших его монстров не принадлежат этой реальности, но всего лишь рождены перегрузкой мстительного подсознания. Ужасно хотелось есть и пить, и вдобавок каждая клеточка тела (он поспешно обследовал себя и с облегчением убедился, что продолжает оставаться в собственном теле) превратилась в источник острой боли. Безотказное чувство времени сообщило: сон продолжался слишком долго, хотя он не имел права отключать сознание на столь большой срок.

У входа в пещеру валялся труп, разрезанный защитными чарами на аккуратные ломтики. «Кажется, я его предупреждал», – припомнил герцог.

Меф выполнил серию сложных упражнений, от возникающих при этом ощущений испытывая блаженство, достойное пера самого Захер-Мазоха. Руки и ноги, пусть неохотно, но все-таки слушались, и он, убрав горный массив, очутился под открытым небом. «Кажется, не так уж страшно, – подумал он, оглядываясь, – Могло быть гораздо хуже».

Поблизости росли деревья и кусты, украшенные белой листвой и зеленой корой. С ветвей свисали малиновые и черные шары с кулак размером. Спугнув стайку крылатых тварей – те разлетелись, издавая обиженный клекот, – Мефисто сорвал несколько плодов. Мякоть под чешуйками кожуры оказалась горьковато-кислой, однако немного притупила чувство голода. Мысли в голове начали проясняться, движения вновь обрели уверенность. Он поднялся на вершину холма и увидел картину, окончательно примирившую его с жизнью.

На лугу возле крохотного озера мирно щипали травку громадные – выше сажени в холке – лошади. К Мефисто снова вернулась гадкая привычка разговаривать вслух с самим собой, от которой не смогли отучить даже свирепые отцовские наказания. Меф произнес вполголоса, удовлетворенно осклабившись:

– Или я чего-то не понимаю, или это на самом деле иноходцы Создателя.

Насколько он знал, – а знал Меф даже чересчур много, – именно такими скакунами гордились королевские конюшни Амбера и Хаоса. Оседлать этих могучих красавцев могли только принцы крови или самые искусные волшебники.

– Попробуем разобраться, – продолжал шептать Мефисто, присматриваясь к животным. – Самый крупный – это, конечно, вожак табуна. Сомневаюсь, чтобы он пожелал пойти со мной. Кобылицы тоже без надобности, тем более что две молодые, судя по брюхатости, должны вскоре ожеребиться. Еще четверым не больше года – совсем малышня. А вот два жеребца-трехлетки вполне могут пригодиться. Наверняка вожак охотно отпустит любого из них и даже обоих сразу – понимает же, скотина, что сынки скоро бросят ему вызов.

Вниз по склону он двигался очень медленно, чтобы не спугнуть надежду на завершение своих затянувшихся странствий. Не имело смысла прикрываться чарами – эти создания издавна учуют любую магию. Кони этой породы должны были сами признать хозяина, и Меф рассчитывал, что один из молодых великанов соизволит ему подчиниться.

Осторожно подкрадываясь к лошадам, он бормотал ласковую чушь: «Иди сюда, мой хороший... Не бойся, красавчик... Сейчас мы с тобой подружимся и никогда больше не рас-

станемся...» Словно склонял к любви норовистую красотку, которая охотно позволяет себя уговорить, хотя догадывается, что нужна красноречивому соблазнителю лишь для нескольких мгновений страсти, а потом будет безжалостно выброшена из его судьбы и воспоминаний. Впрочем, случалось, что подобные связи затягивались надолго. Да, бывало и такое, хотя довольно редко...

Табун наконец заметил его присутствие. Насторожившись, кони повернули головы в сторону приближавшейся фигуры, закутанной в пятнистый походный плащ. Потом вожак издал короткое ржание, и табун, дружно сорвавшись с места, ускакал в степь, но один вороной трехлетка вдруг повернул обратно, не в силах вырваться из ловушки, которую подстроила судьба. Это была полная победа. Жеребец оказался настоящим красавцем – весь иссиня-черный, лишь белоснежные чулки на передних ногах, да во лбу желтоватое пятно неправильной формы, отдаленно напоминавшее неполную луну. Конь тянулся к нему влажными шевелящимися ноздрями, а Мефисто гладил горячую шею, и невидимые узы все сильнее привязывали скакуна к хозяину. Теперь иноходец будет верно служить, пока не станет ненужным. Так уж гадко устроена эта жизнь: кому-то суждено повелевать, а кому-то – повиноваться и быть забытым, когда в повиновении отпадет нужда.

Сидеть на спине без седла было ужасно неудобно, к тому же вместо уздечки пришлось использовать брючный ремень. Однако другого выхода не оставалось, и Полумесяц, как назвал Меф своего коня, рванулся сквозь Отражения.

Конь мчался плавной иноходью по каменистому ложу долины, легко перепрыгивая мелкие ручейки, валуны, овраги и заросли колючих кустарников, удивительным образом пустивших корни прямо в гранитные скалы. Размеренно покачиваясь на широкой спине скакуна, Мефисто впервые позволил себе задуматься о случившемся и возможных последствиях. С того самого момента, как сторожевое заклинание перехватило приказ Дары расправиться с ним, у Мефа не было времени на размышления. Теперь же, после крепкого сна и легкого завтрака, вернулась способность логически мыслить.

Почему Дара решила от него избавиться? Конечно, идиллия во дворце не могла тянуться вечно: удачливый наемный убийца, коим в Хаосе считали Мефа, справившись с возложенными на него задачами, должен был бесследно исчезнуть. Вряд ли вдовствующая королева-мать велела убить его лишь из нежелания расплачиваться за безукоризненно выполненную работу. Скорее всего, киллер, расчистивший Мерлину путь к трону, мгновенно превратился в опасного свидетеля. Если во Дворах пронюхают, что три десятка прямых наследников Суэйвилла переместились во тьму за Гранью Обода по капризу быстро утешившейся вдовы, то возмущенная аристократия Хаоса в два счета сменит монарха, а Дару и ее дебильных сынков не спасут даже монстрореды из дворцовой гвардии...

... От этих рассуждений его отвлек трусивший далеко впереди зверь – что-то вроде пятнистого тиранозавра. Легкое мысленное усилие, и Мефисто с Полумесяцем уже скакали по следующему Отражению, а навстречу маршировала уставшая когорта легковооруженной пехоты. Гигантский конь промчался мимо подразделения, щедро забросав кольчуги остолбеневших солдат комками жидкой грязи: здесь недавно прошел дождь...

– Итак, о чем я размышлял? – пробормотал Меф. – Ах да, красотка Дара боится за свою очаровательную бархатистую шкурку. Блудливая кошка подозревает, что я не стану молчать, а в нужный момент выболтаю, кому следует, кое-какие грязные секреты. Между прочим, она не напрасно этого опасается. Но в таком случае...

В таком случае божественная предательница не остановится ни перед чем, лишь бы навеки замолчал тот, кто вычеркнул из списка претендентов такие имена, как Сабрис, Раджарк, Тмер, Таббл, и еще две дюжины дегенератов из лучших семейств Хаоса. Стало быть, погоня не ограничится банальным отрядом охотников, которые наверняка уже погибли, угодив в рас-

ставленные Мефом ловушки. Можно биться об заклад, что в данный момент Дара приводит в действие все ниточки, посредством которых повелевала Отражениями Логруса в годы болезни Суэйвилла...

– Значит, это была засада, а не случайная дорожная стычка, – вполголоса резюмировал беглец и потянул импровизированную уздечку, направляя коня к показавшемуся на горизонте городу. – О чем там болтал умирающий мушкетер?..

Сержант, которому он мимоходом отрубил руку вместе с мушкетом, в предсмертном бреду зывал к своему командиру. Меф напряг память, пытаясь восстановить последовательность звуков варварского диалекта... Кажется, он бормотал: «Мой капитан, где же огонь... Ведь нам обещали...» Хотя это слово означает не только «огонь», но также «огненный».

– Проклятие! Змеиное отродье!

Яростно взмахнув рукой, Мефисто дернул ремень, продетый сквозь челюсти Полумесяца. Удивленный нелогичным приказом конь, слегка повернув голову, вопросительно глянул одним глазом на наездника: мол, в чем дело, хозяин? Меф успокоил его, потрепав между ушей.

– Нас ждет пара веселых деньков, малыш, – сказал он. – Коварная подружка приготовила мне достойное развлечение, чтоб ей дикобраза родить без наркоза!

Да уж, Дара и ее семейство привыкли обращаться к услугам этих демонов даже по менее серьезным причинам. Помнится, не так давно Юрт использовал подобную тварь, надеясь расправиться с Мерлином. А чуть раньше Латтра, бабушка Дары, содержала целый выводок для устранения надоевших любовников. Ну что ж... Придется отсиживаться где-нибудь поближе к Амберу – в тех краях у демонов Бездны нет полной свободы действий.

– А вот, кстати, и нечто в таком роде, – удовлетворенно проговорил Мефисто.

Это была явная периферия Золотого Круга: бирюзовые волны океана, прибрежные горы и лес, чем-то напоминающий Арденнский. Единственное отличие – ни души вокруг. Он подсознательно выбрал путь, ведущий в самое подходящее место.

Полумесяц сам остановился возле бывшего из-под камней родника и опустил морду в струю, жадно глотая холодную воду. Рядом на дереве сидела большая птица яркой расцветки – этаким гибрид глухаря, дрофы и павлина. Не слезая с коня, Меф пустил в нее иглу из духовой трубки. Пронзенная птица упала на траву и загорелась, как это всегда случается с ранеными порождениями Хаоса.

Наверняка очередной соглядатай Дары – далеко же она разслала своих шпионов. Короче говоря, все старания оказались безуспешными, и сбить погоню со следа не удалось. Плевать. Куда хуже, что не удалось пообедать. Аппетитнейшая была пташка. Жиренькая.

Пришла пора подготовиться к следующему туру этого не слишком увлекательного состязания. Спешившись, он медленно двинулся через редкий подлесок, придерживая коня за жесткую прядь гривы. Полумесяц удивленно взбрыкнул, но все-таки решил не сопротивляться и послушно побрел вслед за хозяином. На коротком отрезке пути Меф немного поиграл Отражениями, превратив дикую местность в заброшенный парк Выложенные мозаичными плитками дорожки проросли сорняками, едва струились забитые грязью фонтаны, покрылись плесенью и трещинами мраморные изваяния вооруженных короткими мечами нудистов в шлемах с гребнями и легкомысленных сандалиях.

Оставив коня пастись в цветнике, Меф прошел между рядами кипарисов и очутился на лужайке, окантованной кругом обтесанных белых камней. В центре этого бывшего газона стояла высеченная из полупрозрачного желтоватого минерала беседка, ради которой он, собственно говоря, и сотворил это Отражение. Как и было задумано, на столике беседки лежал в ножнах Серитойох. Мефисто настолько привык к имени своего меча, что лишь изредка вспоминал, как расшифровывается слово Seritoyoh – Serious Risks To Your Health. Что ж, братишка Фау был великим мастером – тонкий волнистый клинок, выкованный из магической субстанции, действительно представлял серьезную опасность для любого противника.

Герцог без сожаления выкинул грубую железку, которую прихватил вместо меча, покидая Хаос. Заодно подвесил к поясу два мешочка с золотыми и серебряными монетами, которые весьма кстати оказались на том же столе рядом с мечом. Мефисто точно помнил, что не предусмотрел появление кошельков. Вероятно, это получилось у него подсознательно.

Вообще-то стоило быть повнимательнее и в дальнейшем создавать Отражения, более приспособленные для жизни и отдыха. Например, чтобы олени сами выходили под выстрел... Он повторно просканировал окрестности и удостоверился: съедобной живностью поблизости даже не пахнет. По этой причине старший герцог Нирваны подкрепился одичавшими фруктами, проговорив с презрением к самому себе:

– Становлюсь, простите за непристойность, вегетарианцем.

Желудок возмущенно урчал, требуя нормальной пищи, однако Мефисто понимал: у Повелителя Теней от такой ерунды никаких расстройств случиться не должно. Он свистнул, подзывая Полумесяца.

Через минуту они покинут это Отражение, и непрочная реальность растает. Возможно, навсегда. Мефисто чувствовал, что вокруг этой бездарной Тени буквально теснятся похожие третьесортные Отражения, ужасающе бедные на обитателей и события. Прозондировав Амулетом окружающие миры, Мефисто обнаружил нечто вполне пристойного качества. Кажется, там имелся даже Источник Силы – деформированный, конечно, но тем не менее вполне дееспособный. Аналог амберского Узора.

– Именно то, что нам сейчас нужно, – обрадовался Меф.

Выехав из леса, он оказался на возвышенности, с которой открывалась панорама города, раскинувшегося на берегу защищенной от ветров бухты. Это был довольно странный город, словно слепленный из нескольких кусков, которые независимо друг от друга возводили пять или шесть зодчих. Дома внутри крепостных стен составляли как бы изолированные кварталы, различавшиеся по строительному материалу: однообразные низкие здания из черного камня и серого известняка, беломраморные дворцы, богатые дома, сложенные из желтого и красного кирпича. На прибрежном холме возвышался великолепный замок темно-красного камня с вычурными башнями. Серебряные шпили ослепительно сверкали в лучах заходящего светила.

Порт оцетинился частоколом мачт. Корабли здесь стояли преимущественно мелкие – одномачтовые шхуны каботажного плавания. Помимо парусников имелись также гребные суда небольшого тоннажа. Меф обнаружил всего два больших трехмачтовых корабля у каменных причалов. Похоже, город поддерживал довольно вялые связи с ближайшими соседями, хотя выгодное положение укрытой от штормов бухты могло бы сделать город мощным центром морской торговли. Напоминанием о лучших временах были утонувшие в песке остовы больших судов, догнивающие в дальнем конце гавани.

Направив иноходца к скоплению каменных построек, Меф прикинул, что примыкающий к порту «серый город» будет заполнен пьяной матросней, а потому нет смысла соваться туда. Он не любил толпу – многоголовая тупая масса порой превращалась в монстра страшнее любого Огненного Ангела. В случае неминуемой схватки с посланцем Хаоса бесчисленные матросы, портовые амбалы и прочая люмпень наверняка поспешат присоединиться к потасовке, причем вреда от их участия окажется много больше, чем пользы.

В качестве временного прибежища он выбрал «черный город». Дома здесь были в основном двухэтажные, движение по сравнительно чистым улицам не отличалось оживленностью. Наверняка черный камень достался кварталу мелких торговцев, ремесленников и других обывателей среднего достатка. Если начнется показательный урок фехтования, солидные горожане благоразумно позапирают ставни и станут поглядывать в щелки, вполголоса обсуждая течение схватки.

Кстати, о схватке.

Насколько он помнил, Огненные Ангелы однополы, но образуют прочные супружеские союзы противоестественного типа и обычно отправляются надоло семейными парами. Так что следует быть готовым, что противников будет двое. Правда, не так давно дурачок Юрт, понадеявшись на авось, послал за Мерлином одиночку. Мерль, не будь фрайером, прикончил огненную тварь мультилепестковым бурлатом, так что теперь в Хаосе остался «овдовевший» Ангел-бирюк Возможно, по следам Мефа направят именно это страшилище. Проще говоря, нет никакой ясности, сколько голов нечисти нагрянет сюда по его душу.

Протопанная тропинка привела его на вершину следующего холма, и Меф увидел на горизонте черную ленту колдовской магистрали, которую Хаос извергал тогда, когда был поврежден Главный Узор Амбера.

При виде исполинского скакуна горожане шарахались к заборам и, зажмурясь, шептали молитвы под перестук зубов, выбивавших дробь-сигнал. Не обращая внимания на неадекватное поведение аборигенов, Мефисто вежливо выпрашивал у встречных, где тут имеется постоянный двор, и в конце концов прискакал в заведение, украшенное вывеской «Кровавая Мадлен» и расположенное на самой окраине «черного города».

В харчевне он застал не больше дюжины посетителей, так что две трети мест пустовали. Мастеровые чинно потягивали пиво из оловянных кружек и обсуждали местные новости.

– Привет всей компании! – громко произнес Меф, переступив порог. – Кто здесь за пахана?

Завсегдатаи неодобрительно покосились на шумного гостя, но никто из посетителей ответить не соизволил. Лысый краснорожий детина в застиранном фартуке лениво сказал из угла:

– Я здесь хозяин. Чего изволите?

– Для начала накормишь меня и мою лошадку, – предвкушая веселую сценку, сообщил Мефисто. – И еще хорошо бы найти хорошего мастера, который возьмется сварганить сбрую для этого иноходца.

Мастеровой люд сразу оживился. Впрочем, их энтузиазм быстро сменился недоумением, когда в заведение вполз бледный мальчишка-конюх, с безумным видом шептавший что-то невразумительное.

– Лошадка у меня смиренная, только чуток большая, – продолжал развлекаться старший из братьев Оборотня, – Всего и делов-то – до вечера подковать парнишку да сшить седло с уздечкой. Если кто решится – не обижу.

Народ бросился к окнам – поглазеть на лошадку. Когда прошло оцепенение, два мастера неуверенно вызвались попробовать. Мефу пришлось стоять рядом и успокаивать Полумесяца, пока кузнец набивал подковы, а кожевник снимал мерку. Лишь после этого путешественник умылся с дороги и вернулся в харчевню, где хозяин с опасливым почтением поднес ему меню.

Просмотрев текст, размашисто намалеванный гусиным пером на свитке толстой бумаги, Мефисто отметил, что не ошибся с топографией. Меню было составлено на каком-то диалекте языка тари, значит, данное Отражение располагалось неподалеку от Амбера.

– Принеси-ка мне похлебку из трепангов, фаршированную утку, чесночную подливку, большой каравай хлеба и кувшин грушевого шербета, – быстро заказал изголодавшийся Меф. – И скажи, любезный, как называется ваш гор од?

– Авалон, добрый господин, – поспешно ответил трактирщик. – Не желаете ли сыру и фруктов?

– Сыру – пожалуй. А про фрукты даже не заикайся. Этой дрянью я ужрался на полстолетия вперед!

Две служанки среднего возраста, стреляя любопытствующими взглядами, проворно поставили на столе миски из грубого фаянса, и Меф принялся глотать горячую пищу, от которой успел отвыкнуть за годы службы при Дворах Хаоса. Одновременно он пытался сообразить,

в который из Авалонов угодил по воле Судьбы. В разное время Мефу доводилось слышать о нескольких Отражениях, носивших такое название, однако ни одно из них не имело почти целого Лабиринта. Впрочем, дефектный Узор Порядка мог появиться чуть ли не на пустом месте – такие феномены иногда случались. Например, если в захудалой псевдореальности поселился какой-нибудь Повелитель Теней...

От размышлений его отвлекло деликатное покашливание. Подняв глаза, герцог увидел сутулого парнишку в побитом молью халате и совершенно идиотском колпаке. И колпак, и халат были расшиты потускневшими от бесчисленных стирок драконами, звездами, кометами и прочими атрибутами дешевого астролога.

Не переставая жевать, Мефисто великодушно разрешил:

– Можешь доесть сыр.

– Благодарю, господин, – обрадовался сутулый и осторожно взял ломтик. – Я – Джильбер. Алхимик, прорицатель и чародей. Преподаю практическую магию в королевском университете.

Мефисто машинально проверил его Амулетом – парнишка явно не имел отношения к Хаосу и вообще не владел Искусством. Этот шарлатан в принципе не мог представлять угрозы, поэтому герцог спокойно обглодал утиные ножки, оставив Джильберу тощие крылышки. Когда он допивал шербет, абориген решил продолжить беседу:

– Господин, я очень любопытен и при любой возможности стараюсь побольше узнать, что творится за пределами нашего города...

– Ничего особенного там не творится. – Меф пожал плечами. – Убивают, грабят, любят, ненавидят, но большей частью – предают и развратничают... Лучше ешь, что осталось.

– Ты – Лунный Всадник? – спросил Джильбер.

– Вряд ли, хотя мне пришлось иметь дело с этими недоумками.

– Как?

– Я убил парочку... Расскажи, что делается в ваших краях?

Джильбер охотно поведал, что старый король убит – говорят, его прикончил сэр Ланцелот, но точно неизвестно. Теперь правит вроде бы дальняя родственница прежней династии – племянница сестры бывшего короля, Гиневра. Главари двух влиятельных партий – рыцари Ланцелот и Галлахад – домогаются руки королевы Ги. Говорят, ее тетюшка переспала с обоими и еще много с кем, но нынешнюю королеву любовники предшественницы, кажется, сильно тяготят...

– А как твоё имя? – спросил астролог, оборвав рассказ на полуслове.

– Мефисто...

– Ты – дьявол? – Джильбер перекрестился.

– Смотри что понимать под этим словом... А вообще-то можешь называть, как тебе угодно, но только не надейся, что я стану источать аромат серы.

Астрология и преподавание явно не обогатили молодого авалонца, который производил впечатление нищего студента. Меф без труда договорился с ним о ночлеге.

По дороге в халупу Джильбера они заглянули к мастеру кожевенных дел, который уже справился с заказом. Седлю пришлось как раз впору, так что теперь Полумесяц стал настоящим скаковым конем. Мефисто заплатил мастеру вдвойне и велел сделать еще одно точно такое же седло. Про запас.

Джильбер с жадным интересом следил, как Меф снимает сапоги. Увидев обычную, без раздвоенного копыта ногу, он вздохнул с заметным облегчением.

– Полей мне, – попросил герцог. – Я давно не мылся.

– У меня бочка во дворе. Наполню горячей водой – купайтесь, сколько душе угодно.

Блаженствуя в кипятке, Меф предупредил:

– По моим следам может явиться Огненный... – Он запнулся, сообразив, что не стоило называть эту тварь Огненным Ангелом – кто его знает, еще напорешься на религиозного фанатика, который вздумает помогать Ангелу. – ... Огненный Демон. Очень опасная тварь. Когда я начну его рубить – держись подальше. От тебя главная польза – не путаться под ногами.

– Я и не собирался, – фыркнул астролог.

Он суетился вокруг дорогого гостя, принес полотенце – как ни странно, довольно чистое. При этом у Мефисто возникло подозрение, что хозяин интересуется его анатомией. «Еще извращения мне не хватало», – печально подумал герцог.

После купания Джильбер не спешил оставить гостя в покое. Без конца ныл: не желаете ли, мол, узнать свое будущее, а деньги дадите потом, если оцените мое искусство... Меф кинул ему монетку, чтобы отвязаться, и получил взамен написанный каллиграфическим почерком прогноз:

Расположение светил благоприятствует успехам на любом поприще, вас ждут увлекательные приключения. Сердце страстной красавицы готово уступить вашему натиску. Однако не следует нарушать тонкую грань благоразумия, ибо излишняя настойчивость, как и чрезмерная сдержанность, способна погубить даже самый беспроигрышный любовный роман.

Предстоящая неделя будет не слишком удачной, чтобы завязывать политические или коммерческие махинации, поскольку близится затмение Луны, которое обычно разрушает рискованные начинания. Впрочем, соблюдая известную долю благоразумия и принимая необходимые меры предосторожности, вы можете добиться внушительного успеха и даже обогатиться.

Будьте спокойны в главном: друзья и родные не предадут вас, не станут строить вам козни, так что не следует ждать подвоха с этой стороны. Лишь злейшие враги – как явные, так и те, которые сегодня прикидываются друзьями, – лишь они способны причинить вам зло и ущерб.

Смело бросайтесь в горнило сражений! Под могучими ударами вашего клинка вырастет огромная гора отрубленных вражеских голов, омываемая реками вражеской крови. Города и страны падут к вашим ногам, признав непобедимость великого завоевателя, если вы не допустите грубых ошибок, сводящих на нет благорасположение небесных покровителей.

Прочитав этот текст, Мефисто понял, что имеет дело с отъявленным шарлатаном, и даже испытал некоторую симпатию к этому циничному жулику. На всякий случай он ехидно спросил:

– Разве ожидается лунное затмение? Астролог вроде испугался, но поспешно ответил довольно уверенным голосом:

– В наших краях его не будет видно... Так вы заплатите? Меф ответил, расхохотавшись:

– Обязательно, друг мой. Сундуки в твоём доме будут ломиться от золота. Ты будешь носить самое богатое платье и пользоваться услугами самых изысканных блудниц... Если не поскользнёшься на арбузной корке и не упадёшь прямо на лезвие моего кинжала.

– Здесь нет арбузных корок, – насупившись, заметил Джильбер.

– Так и кинжал мой пока не обнажён...

Астролог понимающе захихикал и с благодарностью принял медную монетку. Однако не ушёл, а продолжал любопытствовать:

– Можно ли получить золото из свинца?

– Да хоть из дерьма... К нечистой силе обращался?

– Нет.

– Правильно делал. Все равно не поможет.

– Дело не в том... Я хочу сам найти рецепт.

– Романтик... – осуждающе резюмировал Мефисто. – Ступай уж, спать хочу.

Вежливо пожелав спокойной ночи, Джильбер попятился к выходу, но покинуть спальню не спешил и топтался у двери. Покачивая головой, Мефисто насмешливо изрек:

– Тебя заинтересовал мой большой резвый единорог? От смущения Джильбер осмелился огрызнуться:

– Не знаю, насколько он резвый, но большим не показался...

Он скрылся за дверью, а Меф долго смеялся над бедным педиком. Откуда тому было знать, что к числу фамильных способностей нирванских Повелителей Теней относилась и способность увеличивать гениталии до оптимального размера – в зависимости от потребностей партнерши. Но – только партнерши и никоим образом не партнера, так что придурок напрасно рассчитывал на удовольствие.

Чуть позже, когда Меф уже предвкушал, как вытянется на относительно свежей простыне, на пороге снова появился назойливый астролог. Герцог начал свирепеть и подумал, что стоило бы пришить этого извращенца к какой-нибудь свободной стенке – тогда бы точно удалось спокойно выспаться. Он предпринял последнюю попытку кончить вечер без кровопролития.

– Меня не интересует твоя задница, – твердо сказал Мефисто. – И не надейся.

– О нет, мой господин, у меня нормальная ориентация. – Джильбер потупился. – Просто я решил, что должен объясниться. Я решил похвастаться перед соседками, что у моего жилища огромный член. Если бы они заинтересовались и зашли на вечеринку, вы бы их легко завалили, но потом хоть одна из них, возможно, согласилась бы заняться любовью со мной.

Меф долго смеялся, но пообещал, что поможет, чем сумеет. Потом спросил:

– А соседки хоть хорошенькие?

– Самый смак! – У астролога загорелись глаза. – По двести фунтов весом! А каждая грудь...

– Ладно, ладно, не возбуждай меня на ночь глядя. Завтра решим... Нет, погоди. Ответь на последний вопрос. Что в этой дыре считается нормальной ориентацией?

IV

Фауст снова говорил на полузабытом варварском языке тари. Снова лежал в роскошной постели с роскошной женщиной, забыв о сложных проблемах и неотложных делах. В его долгой жизни было много женщин. Были женщины, которых Фауст любил до безумия, но ни одна не вызвала в нем такой страсти, как. Льювилла – принцесса с изумрудными глазами и густой гривой волнистых изумрудных волос. Их отношения трудно было назвать любовью в романтическом смысле этого затертого понятия, но каждый из них высоко ценил ум и силу партнера.

Выспаться после бурной ночи не удалось, но наступило утро, и пришло время вспомнить о делах, из-за которых он пустился в это путешествие. Лью, проницательная как всегда, сразу догадалась, что давний любовник прибыл не ради ее прелестей, но не обиделась, а лишь поинтересовалась:

– Фау, где ты бываешь, когда исчезаешь из Амбера?

– Исчезаю? Скорей уж я изредка исчезаю из дома, чтобы побывать в Амбере.

– Помню, ты рассказывал, что живешь в дальнем круге Теней, где одинаково слабы и Лабиринт, и Логрус. Как называется твое Отражение – кажется, Артуа?

– Артаньян. Но это не совсем наш мир. Просто нашей семье пришлось там поселиться. – Он понимал, что принцесса не исчерпала резервов любознательности, и взмолился: – Лью, дорогая, продолжим урок топографии после завтрака.

– Во время завтрака, – уточнила Льювилла. – Ты по-прежнему привередлив в еде или все-таки распробовал тонкие блюда?

– Ты совсем меня забыла и с кем-то перепутала, – нарочито печально произнес Фауст. – Иначе помнила бы, что я ем абсолютно все. Просто не люблю экзотических сочетаний вроде черной икры в малиновом сиропе.

Она рассмеялась – звонко и жизнерадостно. Затем упругим движением поднялась с постели и, потрепав его шевелюру, назидательно изрекла:

– Сам виноват. Надо почаще бывать у нас – тогда я запомню твои привычки.

Грумы накрывали в соседней комнате стол на двоих, поэтому Фауст не стал переодеваться в парадный костюм. Меню было выдержано в амберских традициях, то бишь бекон соседствовал с джемом, вместо хлеба подали пересушенные тосты, а кофе без сливок считалось дурным тоном. Покончив с омлетом, герцог мстительно посулил:

– Как-нибудь съездим в наши края, и ты поймешь, что такое настоящая кухня.

– О нет! – Льювилла содрогнулась. – Мне хватило одного раза, когда ты устроил на Земле то, что называешь «нормальным обедом». Варварское мясо на вертеле, чудовищное количество перца и прочих пряностей, виски без содовой, и все это – циклопическими порциями! Удивительно, что ваши женщины не превзошли габаритами бегемотов средней упитанности.

«А она по-прежнему фанатично следит за фигурой, – отметил Фауст. – Не ест, а клюет кусочки сыра. Как цыпленок. И к хлебу, считай, не притрагивается». Он сказал то, что говорил уже не раз:

– Наверняка в Амбере очень дороги специи, зато у нас всевозможные пряности растут на каждом углу, как сорняки. Стоило бы наладить торговлю.

– Ты говоришь об этом уже полтора века, – фыркнула принцесса. – Что же мешает прислать караван верблюдов, груженных перцем, корицей, кардамоном и остальными субтропическими чудесами?

– Караван? Ты считаешь нас дикарями, – укоризненно сказал Фауст. – Товары выгоднее возить по морю, на кораблях.

– За чем же дело стало? У вас нет кораблей?

Фауст чуть было не пустился в долгие объяснения, но вовремя сообразил: момент для лекции не самый подходящий. Он просто сказал:

– До последних дней мы не имели выхода к открытому морю. Надеюсь, скоро мы сумеем расчистить некоторые дороги – по воде и по суше. Тогда начнем торговать с отдаленными странами в других Отражениях.

Он сознательно сделал эту оговорку, чтобы Льювилла смогла задать вопрос, который давно ее беспокоил. Попавшись на элементарную уловку, принцесса немедленно спросила:

– Для этого нужно, чтобы караван возглавлял Повелитель Теней. У вас есть такие колдуны?

Фауст охотно выдал заранее приготовленный ответ:

– Мой отец владел Искусством, умел рисовать Козыри. Иногда мне удается перемещаться с их помощью. В принципе, это не сложно. Но на этот раз меня принесла Межтенева Буря...

– И добавил, изобразив шутливую досаду: – Послушай, подружка, ты допрашиваешь меня, как свекровь, застукавшая в кустах загулявшую невестку. Ну-ка, изволь рассказать последние амберские новости.

Уж что-что, а сплетничать зеленоглазая любила. Женская натура – она даже у Повелителей Теней сильнее прочих качеств характера. Льювилла с готовностью поведала, что Мерлин вот-вот станет королем Хаоса и что у него интрижка с Корал, королевой Кашеры. Последняя до сих пор считалась дочерью премьера Бегмы, но на самом деле настоящий отец – Оберон. Другая новость оказалась не менее сенсационной: вчера вернулся Корвин. Дара держала его в плену, однако Мерлин сумел освободить отца. Именно от Корвина амбериты узнали, что Мерлин готовится взойти на престол.

Далее принцесса сообщила, что Ринальдо (для Фауста было сюрпризом узнать, что у Бранда остался наследник, да к тому же от Ясры) сделал очередную пакость Амберу. Сначала он держал Мерлина в заточении в Голубой Пещере, но сынок Корвина и Дары – полный debil – простил негодяя. Теперь же Ринальдо, якобы защищая Мерлина, забрызгал своей кровью Главный Узор.

– Кто же подпустил туда вашего племянничка? – поразился нирванский герцог.

– Как кто? Неужели не догадался? Мерлин, конечно.

– Похоже, наследник Корвина страдает повышенной доверчивостью, – задумчиво изрек Фауст.

– Простодушен до идиотизма, – согласилась Льювилла. – Король из него, как из меня мужчина.

Новостей оказалось даже чересчур много, хотя некоторые звучали слишком неправдоподобно. С другой стороны, Фауст никогда не забывал, что непонятные события обычно имеют свою потайную логику. Если хорошенько подумать и состыковать новые сведения с тем, что было известно прежде, общая картина неизбежно должна проясниться.

Теперь ему становилось понятно, почему Логрус и Лабиринт не обрушили удар возмездия на его семью, дерзнувшую послать войско на освобождение Спиральной Пирамиды. Лабиринт был поврежден, а потому утратил дееспособность, Логрус же, обрадованный параличом последнего серьезного соперника, наверняка готовился ударить по Амберу, отложив на потом разборку со слабосильным противником, который трепыхается на периферии Отражений. В тактическом плане такое решение выглядело рациональным, однако грозило серьезными стратегическими потерями в достаточно близкой перспективе. Впрочем, Змея никогда не умела просчитывать отдаленные последствия своих debильных действий. К счастью...

– О чем задумался, Фау? – осведомилась Льювилла, обиженная его затянувшимся молчанием. – Повалился в койке, набил брюхо – можно забыть обо мне? Прямо как дворцовый конюх или кузнец из нижних кварталов.

– Насчет конюхов тебе, конечно, виднее, – хмыкнул герцог. – Хотя не подозревал, что у моей изумрудной принцессы столь низменный вкус... Ладно, ладно, я не ревную. Все мы не без греха, а у меня – широкие взгляды... Я вот о чем подумал: если ваш Узор поврежден, стало быть, Хаос стал сильнее. Насколько я знаю жителей этого местечка, они не упустят такого шанса.

– Полагаешь, Хаос развяжет войну? – Гримаса оскорбленной девчонки медленно сползла с ее лица, сменяясь хищным расчетливым прищуром. – Признаюсь, я тоже об этом размышляла и даже собиралась предупредить Рэндома. Только наше величество сильно запило. Я послала братьев привести его в чувство, но потом появился Корвин, потом – ты... В общем, серьезного разговора не вышло.

– Устрой мне встречу с Корвином, – попросил Фауст. – Посидим втроем. Может, дельную мысль родим. И вообще, хочется повидать твоего брата.

Принцесса замялась, начала отнекиваться. Наконец призналась, что сама пыталась побеседовать с серебристо-черным, однако Корвин был в дурном настроении, даже через Козырь не соизволил ответить. Сказав о Козыре, она вдруг запнулась, но после короткой паузы вдруг воскликнула с просветленным лицом:

– А что, если раскинуть пасьянс? Иногда намеки наших Карт оказываются полезными. Ты умеешь?

– Попытаюсь. – Фауст мысленно торжествовал. – Только дай мне свою Колоду. В моей слишком мало картинок.

– Держи. – Она протянула сафьяновый футляр. – Заодно посмотрю на твои Карты.

Они спустились на второй этаж. В комнате для не слишком почетных гостей, где накануне вечером бросил свою котомку Сын Вампира и Брат Дьявола, ничего не изменилось. Похоже, никто не проявлял излишнего любопытства к его вещам. Ну, все еще впереди.

Сняв заклинания, защищавшие кровать, Фауст раскрыл лежавшую поверх одеяла сумку и после недолгих поисков достал запасную Колоду. Это был примитивный набор Карт, которые он считал возможным показать амберитам. Настоящих Козырей здесь имелось всего ничего: портреты трех нирванских братьев, Корвина и Льювиллы, пейзажи Амбера, Артаньяна, еще нескольких варварских Отражений, а также Карта для тюремного подземелья в охотничьем замке неподалеку от Артаньяна. Грубо намалеванные рисунки должны были подтвердить легенду о не слишком умелых колдунах из глухой провинции.

Льювилла взяла в каждую руку по Колоде и веером пустила Козыри навстречу друг другу, повторив эту процедуру трижды. Фауст даже позавидовал: он не умел так ловко перемешивать карточные колоды – из-за этого и не любил играть в бридж и покер. Другое дело – преферанс, где случайное распределение рангов и мастей не имеет слишком большого значения, поскольку компенсируется умением игроков.

Отобрав у принцессы Козыри, он сам перетасовал Колоду, чувствуя пальцами, как пачка твердых прямоугольников становится ледяной на ощупь.

– Срежь, – сказал герцог, протягивая Карты изумрудной красавице.

Она ловко разрежала Колоду, азартно предупредив:

– Не вздумай колдовать. Я буду следить, чтобы Козыри ложились без твоих подсказок.

– Успокойся, Лью, я не базарная гадалка, цель которой – доставить удовольствие богатым и глупым клиентам. Мне самому хочется знать будущее.

– Не обижайся, – проговорила Лью умоляющим голосом и нетерпеливо добавила: – Начи-
най...

– С удовольствием, – весело отозвался Фауст и начал расстегивать ее сорочку.

Льювилла вырвалась, сердито выкрикнула:

– Не об этом речь! Гадание начинай!

«Ну, шутки в сторону», – решил герцог, Сын Вампира, Брат Дьявола и Оборотня. Фауст чувствовал себя превосходно, Искусство было готово помочь, Карты многообещающе холодили ладонь. Фауст осторожно снял верхнюю Карту, положил на скатерть рубашкой вниз. Поверх нее колдун бросил Козырь, извлеченный из самого низа Колоды. Комбинация получилась скорее забавной, чем информативной.

– Я лежу верхом на тебе, – прокомментировала Лью-вилла. – Давненько мы не пробовали такую позу.

– Все в наших руках, можем в любой момент осуществить пророчество, – рассеянно откликнулся озабоченный Фауст. – Попытаемся иначе.

Он снова перетасовал Колоду и разбросал по столу лицом вниз две дюжины наугад извлеченных Козырей. Когда Лью перевернула Карты лицом вверх, сложился весьма любопытный рисунок. Возле Артаньяна сгрудилась мелочь черных мастей во главе с Дарой и Пиковым Валетом. Карты Фауста, Мефистофеля и Ринальдо лежали поверх Кашеры. Козырь Корвина оказался в стороне, а рядом расположились Дейдра и безымянная Червовая Дама. Самое пикантное предзнаменование выпало Дворам Хаоса – эту Карту бесцеремонно побил Бубновый Король. Прочие Карты упали без какой-либо системы и вообще были тройками-восьмерками, то есть не могли всерьез повлиять на общий расклад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.